

УБОГИЕ АТЕИСТЫ

Дарья Близнюк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Близнюк

Убогие атеисты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63628273

SelfPub; 2020

Аннотация

Богемное общество раскалывается на две враждующие группировки. Одна из них пропагандирует жизнь как искусство, другая прославляет извращение и вандализм. Но чем обернётся их противостояние? И кто из них одержит победу в войне за общественное признание? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Гот	5
Чмо	9
Фитоняша	12
Объёмные смыслы	15
Слёзки	17
Ваза	20
Самопитие	25
Кака	27
Интерсекс	30
Аватарка	31
Боги	33
Любовь без правил	35
Крыса	38
Библиотека	42
Драка	45
Задыхаясь в комнате, полной воздуха	50
Подарок	54
Боль	58
Начало	62
Плакаты	64
Социальное значение	67
Люди на людях	70

Резня	76
Не валентинки	79
Муха	81
Побег из гото- и фитошенка	83
Блудный сын	86
Прятки	89
Обида	94
Гордость	97
Искусство как изврат	105
Жизнь как искусство	108
Часть 2	115
Пропагандист	115
Проповедник	120
Сомовыражение	126
Зарождение греха	130
Смертёнок	136
Пророчество	146
Паника	151
Отсчёт	158
Сосиски	162
Шоппинг	168
Ищейка	177
Миссия	185
Жёлтый дом	192
Выход	202
Эпилог	208

Дарья Близнюк

Убогие атеисты

Часть 1

Гот

Из окна видно небо цвета голубя. На полу валяются пенопластовые лотки, заполненные тюбиками краски, кистями и прочим художеским барахлом. В центре комнатного параллелепипеда мебели нет, лишь стоит мольберт, похожий на заглавную букву «А». Напротив него сидит парень в растянутом, но оттого не менее уютном кардигане. Его волосы цвета крысиной шерсти доверчиво опускаются на плечи, зная, что хозяин не побеспокоит ни одной пряди на всем протяжении молчаливой игры в гляделки.

Его визави – пугающая картина, на которой изображён в профиль лысый человек. Из его рта вырывается клубящийся поток чёрного дыма, а глаза широко распахнуты, как двери во время проветривания, и пусты. Если долго пялиться на этого страдальца, то такое понятие как «жуть» станет таким же явным и стойким ощущением, как запах пота после изнурительной тренировки в спортзале. Но парень не спешит

разворачивать холст к стене, поскольку самолично вынул его из своей души. Более того, он нарочно не отводит взгляда. Он заставляет себя любоваться густыми чернилами до тех пор, пока не освобождаются слёзные железы. Для него подобные обряды играют роль терапевтических и крайне эффективных сеансов.

Внезапно в комнату пробирается бесшумный посетитель. Он опускается на пол рядом с парнем-крысой и бесцеремонно рушит ауру духовного очищения.

– Что на этот раз? – спрашивает голосом Синьора Помидора из мультика про Чиполино.

– Отчаяние, – угрюмо отвечает художник.

– Похоже, – звонко голосит гость, обращая взгляд на картину. – Слушай, Гот, а ты не мог бы оценить мой новый стих? – небрежно сводит тему, обнажая истинную цель визита.

– Не мог бы, – коротко буркает Гот, раздражённый тем, что его отвлекли на самом пике освобождения. Это досаднее прерывания полового акта.

– Ну почему ты постоянно такой бука? Нельзя быть хотя бы чуточку приветливее? – игриво надувает губки. – У меня ведь начнётся печалька из-за твоего грубого отказа, – опускает бровки Помидор.

– А у меня из-за твоего наглого вторжения. Про личные границы слышал? Нельзя было хотя бы постучать, чтобы не заставить меня врасплох? – оскорбляется Гот.

– Ну, прости, – паренёк, ни капельки не обижаясь, бодает Гота в плечо. – У меня хорошие стихи. Тебе понравятся! – заверяет он.

– Раз ты знаешь, что они хорошие, зачем мне их оценивать? – хмыкает парень, убирая волосы назад.

– Ну как же? – растерянно моргает невостребованный поэт.

– Ладно, валяй, – равнодушно соглашается Гот.

– Уии! Спасибо! Ты лучший! – радуется писака, кляня друга трубочкой губ в холодную меловую щёку. Готу приходится недовольно отстранить любвеобильного молодца.

– Опять ты ведёшь себя, как гомик, – ворчит он.

– Как обаяшка, – поправляет приятеля молодец.

– Читай уже – быстрее закончим, – обречённо вздыхает Гот, и обаяшка достаёт телефон, пару раз тыкает на сенсор и принимается тихо тараторить, сжёвывая слова и глотая окончания.

– Целиться в губы и целовать их, – быстро вдыхает. – Долго искать кружевное платье, – кушает букву «е». – После рябинового заката, – на губах уже собирается плёнка слюны. – Видеть смешные сны...

– Всё-всё. Я понял, что красиво, – останавливает его Гот. – Теперь можешь помучить кого-нибудь другого. К примеру, своего медведя, – советует он и ведёт бровью на дверь.

– Ах, как невежливо! Ты нетерпелив и...

– Я знаю, Чмо. Теперь гуляй. Свободен, – повторяет об-

щительная личность, и Чмо удаляется из пустого параллелепипеда, заполненного отчаянием.

Чмо

Чмо огорчённо волочится по коридору, словно привидение. Вечно Гот выгоняет его из своей комнаты, будто он ему какой-нибудь младший брат. А стихи, между прочим, нежные написаны! Зря их игнорируют.

Впрочем, Чмо не обижается. Он лояльно относится к скупости художника. Не любопытствует и не ковыряет его ледяной панцирь. Чмо всегда улыбается и сюсюкается с друзьями.

– Кому чмоки-чмоки-чмоки в щёки-щёки-щёки? – ванильно спрашивает он перед тем, как набрасывается со своей любовью на несчастных милашек.

За эту коронную фразочку его, собственно, и прозвали «Чмок», но последняя буква почему-то быстро исчезла из очаровательной клички, и осталось сокращённое «Чмо».

Чмо прокрадывается в свою уютную коморку, светлую, с персиковыми обоями. В уголке его ожидает двухметровый склонивший голову набок мишутка по имени Матвей. У него бежевая шёрстка, вышитое на груди сердечко и дружелюбная мордашка. Про себя Чмо называет сие место «медвежий угол». Часто парнишка удобно устраивается в лапах плюшевого гиганта и записывает не связанные между собой строчки, пока не засыпает. Во сне он особенно сильно походит на невинного ангелка. Мало того что причёска у него в точно-

сти, как у фарфоровых ангелочков – те же светло-русые кудри, так ещё и личико разглаживается в безмятежном покое.

Чмо, как всегда, прыгает в объятия Матвейки и задумывается над новым стихотворением. Ему хочется чего-то образного и мимишного, но в то же время тёплого, приятно-го. Чего-то лиричного, но яркого, искрящегося. Чмо считает, что стихотворение должно быть таким, чтобы каждая строка в отдельности была произведением искусства. Чтобы, если бросить им в окно, то стекло разобьётся, но сердце – склеится.

Для достижения этой цели Чмо уже второй год работает над циклом стихов «Love is...». Более того, он коллекционирует фантики от этой жевательной резинки. Сами жевательки, будь они со вкусом банана и клубники или лимона и вишни, постоянно заваливают многочисленные вазочки, стоящие на столе, а вот фантики с милыми афоризмами парнишка бережно наклеивает на персиковые обои. Получается славный стенд. Вдохновляющий. Подстёгивающий к работе.

Впрочем, работой поэзию не назовёшь, поскольку дело это не оплачиваемое, а оплакиваемое, но тем не менее она требует скрупулёзного труда и креативного мышления. Чмо, конечно, посвятил годы жизни технике и оттачиванию навыков, но сухой теоретически грамотный текст всегда его удручал.

Как-то раз Гот придумал хорошую метафору.

– Я тебя понимаю, – сказал он. – Техническое стихотворение, лишённое эмоций, такое же бездушное, как чертёж. Каждое слово мертво, точно выверено по линейке. Никаких волн, никакой плавности, никакого отражения, – заключил он, и Чмо согласился.

В поисках вдохновения Чмо любит сизым небом и, наконец, рождает:

– Армия Капитошек прыгает на асфальт, – специально для Матвейки диктует Чмо голосом Синьора Помидора из мультика про Чиполино.

Но мешает сосредоточиться стук каблуков из соседнего зала. Навязчивый. Хлёсткий. Объёмный. Подхватываемый и разносимый эхом. Но в то же время по-своему привлекательный и обворожительный. Ритмичный.

Чмо ещё немного вслушивается в него, а затем находит в хаосе звуков едва различимую закономерность и записывает стихи под диктовку каблуков.

Фитоняша

В зале, специально оборудованным для репетиций, танцует девушка. Её упругие ноги обтягивают красные, блестящие, как кожа морского котика, леггинсы, а топ открывает стройный подтянутый живот. Ажурное кружево её волос размётано по плечам. Разогретое тело сообщает своей хозяйке об усталости приятной пульсацией. Изящные запястья совершают плавные вращения, бёдра двигаются в постоянном покачивании, а руки образуют резкие прямые углы. Танцовщица удивительным образом сочетает квадратные формы с грациозными овальными линиями. Она быстро перемещается по паркету и любит своё отражение в зеркале, полностью закрывшем стену. Вот её зеркальная копия грациозной кошачьей походкой движется навстречу, вот падает на пол, запрокидывая ногу вверх...

Но вскоре девушка утомляется и усаживается на лавку. Переводит дух. Верхняя губа её не прогибается, а, наоборот, образует чувственный заострённый холмик. Прямоугольное скуластое лицо украшено жемчужинами пота. Красотка удовлетворённо разглядывает себя и произносит:

– Я боженственна.

Затем вынимает откуда-то фотографию, на которой запечатлена она же, лежащая на кожаном диване нагишом. Её аппетитная бразильская попа дразнит камеру, а спина про-

гибается, точно линия, какой дети изображают волны, рисуя море. Девушка смущённо смеётся и лукаво смотрит в объектив. И глаза её искрятся, как серебристые бенгальские огни.

– Особенно на фотографиях, – добавляет замороженная бестия.

Она буквально пробуравливает карточку взглядом, впирается в каждую выпуклость тела, и веки томно прикрываются, а голова тянется к плечу.

Ах, какое же она налитое яблочко! Какая молодая тугая самка! А всё благодаря её чопорному образу жизни: правильному взвешенному питанию, занятиям фитнесом, гимнастикой и танцами. Она чистокровная фитоняша, и никто не смеет упрекнуть её в фальши.

Фитоняша настолько приблизилась к идеалу, что поневоле влюбилась в саму себя. Она часами залипает на сделанные нюдсы, вождедея и истекая любовным сиропом. Она фетишизирует свои фотографии, развешивая их где попало. Хранит целую пачку под подушкой и ещё несколько под ковриком в туалете. Она представляет, что девушка с фотографий – какая-то другая особа, её кумирша и богиня. Мысленно она разговаривает с ней и называет её Фотоняшей.

Но плоский мир 2D жесток, и бедняжке приходится выстраивать баррикады лжи и иллюзий, чтобы гордиться своей лучшей подругой. Чтобы знать, что она реальна. Что их любовь не односторонняя. Но отчего-то эта любовь вызывает мучения, словно ты смотришь на сочный фрукт с капелькой

на боку, но не можешь его съесть. Словно ты постоянно подавляешь плотские желания, как юный монах в расцвете сил.

И единственный способ забыться, очистить ум и отдохнуть от изнеможения – Vogue. Танец, зародившийся в Нью-Йорке в шестидесятых годах. Танец, позволяющий почувствовать себя моделью. Танец, шокирующий вычурностью и позёрством. Танец-фейерверк. Танец-взрывчатка. Танец-вызов. Танец-бунт.

Руки Фитоняши умеют превращаться в бабочку, сама она призвана ходить на полупальцах, и рисует она собственным телом. И творчество её живое, эксклюзивное, не подлежащее фиксации. Но живёт девушка в жалкой квартирке а-ля социальный наём с двумя худосочными мальчуганами, помешанными на картинках и стишках. И при абсолютно не совпадающих характерах их троица умудряется сосуществовать и даже общаться. И возвышенно величать себя богемой.

Объёмные смыслы

Тыквенно-рыжий свет фонаря падает под ноги Гота. До его ушей доносится далёкое карканье ворон. Ветер качает ржавые качели, и те скрипят. Фальшивят. Явно, что этот уличный инструмент не настраивал никто. Плечи Гота укрывает неизменный растянутый кардиган. Можно подумать, что родился он не в рубашке, а в этом самом кардигане. Лицо Гота цвета черепа, а глаза цвета страха и смятения. Гот чувствует, что опустошается. Что исчерпывает ресурс. Внутри не остаётся никаких эмоций – все на холстах. Готу жутко, что его руки замолчат. Их уже сейчас засасывают карманы. Карманы глотают их, не жуя. И в мягкой полости рта в целом тепло, покойно. Гот понимает, что ему необходимо создать новую серию. Найти что-то изысканное. Пикантное. Уродливое. Гот смотрит в глянцевую поверхность лужи и видит палки своих ног. Отражение словно продолжает их, и возникает ощущение, что Гот стоит на ходулях. Но стоит он на грани.

Ему нужна серия.

Нужна идея.

Гот смотрит в лужу и видит палки своих ног, до чёртиков похожие на букву «Н». Ноги. Вот она – идея. Вот он – объёмный смысл. Гот напишет целую коллекцию объёмных смыслов. Его картины будут говорить сами за себя. Сердце Гота загорается интересом. Страсть освещает его, как рыжий

фонарь кусок асфальта.

Гот возвращается домой. Разуваётся в тесной прихожей. Проходит в свою комнату мимо Фитоняши, которая склоняется над принтером, распечатывая новую дозу фоток. Этот принтер – самая серьёзная их покупка. Самая роскошная вещь в домишке, помимо Матвея, холодильника, добытого на помойке, и матрасов, подаренных кем-то из прошлой жизни.

Гот проходит в свою комнату и подбирает с пола блокнот. Зарисовывает в нём эскизы. Изображает голову, играющую роль буквы «О» в слове «голова». Изображает ноги, по совместительству являющиеся буквой «Н» в слове «Ноги». Получается весьма тяжеловесно. Загружено. Но то лакомая молитвенность. Она изящно приковывает внимание. Гот примеряется и переносит человека на картонку покрупнее.

Забавно, человек этот плоский, а смысл его объёмный. Полная противоположность Готу.

Гот пристально буравит взглядом свою поделку. Чего-то не хватает. Гот помогает плоскому человеку закричать. Гот окружает чёрное отверстие глотки буквами «Р» и «Т». Теперь всё становится на свои места.

Слёзки

Чмо считает вольный нищевродский образ жизни более престижным. Он до сих пор находится в «свободном плавании» и не жалеет об этом. Уверенность и стабильность – это не про него. Чмо относит себя к романтикам, которым нельзя ампутировать крылышки скучными обязанностями. Ещё в школе Чмо называл кружочки Эйлера кружочками адика. К ним он присоединял и всевозможные кружки, и секции. В общем, собаки в цирке владеют математикой лучше него.

Чмо любит пельмешками облаков и сочиняет стихи.

– Хочу написать осязаемые слова, – тоненьким голоском чеканит он. – Которые смогут упавших поцеловать... – после минутной паузы продолжает романтик.

Но вдруг слышит женский высокочастотный крик, перетекающий в писк. В нём ясно различаются безумие и некая жадность. Неверие и протест. Отказ принимать действительность.

Чмо поднимается на ножки и робко выглядывает за дверку. Его глазки спотыкаются о Фитоняшу, ревущую над чёрной коробочкой принтера.

– Что такое? – морщась от ужасёнка спрашивает Чмо.

– Краска! Кончилась моя краска! – трясётся девушка, лихорадочно продолжая жать на кнопочку «печать». Также жмут на кнопку лифта, полагая, что транспорт явится к ним

быстрее.

– Но ведь мы совсем недавно купили эту штучку, – ошеломлённо возражает Чмо.

– Недавно?! По-твоему, четыре месяца – это недавно? – взрывается девушка, обливаясь горькими слёзками.

– Ну, можно пока обойтись без принтера, – предлагает парнишка.

– Что?! Ты вообще в своём уме?! Как же мне тогда встретиться с Фотоняшей? Я бы на тебя посмотрела, если бы тебя разлучили с любимой девчонкой! – всхлипывает танцовщица.

– Но у тебя и так полно её фоток, – замечает Чмо.

– Это не то! – взвизгивает Фитоняша так, что у её глаз собираются морщинки.

Она похожа на трёхлетнюю капризульку в магазине игрушек. Её крики доканывают и Гота. Он недовольно приближается к месту ЧП. Его веки красные и опухшие, словно ему только что разбили сердечко.

– Что за вопли? – глухо спрашивает он, шмыгая носиком.

– Выдохлась эта проклятая машина! – жалуется Фитоняша. – И я не могу увидаться с Фотоняшей! Не могу! Не могу! Не могу! – стучит она каблуком.

– Хм, – поджимает губки Гот. – А что если я тебя нарисую? – предлагает он.

И инцидент исчерпывается. Слёзы высыхают. Все вздыхают с облегчением. Они спасены. Тишина обеспечена хотя бы

на сутки.

– Не знаю. – По инерции куксится Фитоняша. – Можно попробовать, – соглашается она.

Ваза

Одной рукой девушка держит себя за голень, другой стаскивает каблук. Затем она спускает леггинсы и стягивает через голову топ. Пружинки волос взметаются вверх и снова ниспадают на плечи, по цвету напоминающие спелую грушу в разрезе. Родинки – вместо косточек в сердцевине.

– Ложись на матрас, – командует Гот, но в его голосе нет ни намёка на похотливую игру или превосходство. Фитоняша уверена в себе и потому не смущается постороннего взгляда. – Меня можешь не стесняться. Художники, они... как врачи, – поясняет Гот. В его руке гибридная роза цвета бледной креветки. Её лепестки острые и угловатые, шипы содраны ногтем. – То есть их интересует только своё сугубо профессиональное дело. Вместо тела они видят сыпь или раковые пятна. Художники видят светотень и перспективу. Я же вижу эмоции и вообще побочные образы.

– Какую позу принимать, художник? – перебивает его Фитоняша.

– Ах, – опоминается Гот, – ложись на живот. Подбородок клади на ладонь и задирай его повыше. Сгибай колени, – придаёт ей нужную форму.

– Вот так? – сверяется Фитоняша.

– Нет, – отрицательно мотает головой Гот, подходя к «перине». Что-то ему не нравится. – Не то. Нужно больше глу-

бины. Становись на колени. Щекой прижимайся к матрасу. Задирай свою пятую точку. Помещай в глаза усталое и высокое безразличие. Руку свешивай вниз. Сгибай дальнюю ногу, – диктует он, одобрительно хмыкает, после чего аккуратно вставляет стебель в её узенький анус.

– Уф, – насупливается натурщица.

– Вот. Теперь не шевелись, – предупреждает Гот, беря карандаш и блокнот.

Мягкий грифель скользит по бумаге. Идёт работа с линейкой. Траектория её фигуры извилиста и резка. Вскоре к наброску добавляются тени в нужных и ненужных местах.

Фитоняша чувствует, как что-то растекается в затылке. Кожа покрывается мурашками, как кардиган Гота катышками. Всё-таки осенняя прохлада в сочетании с отсутствующим отоплением выстуживает квартиру.

Фитоняша готова терпеть что угодно, лишь бы увидеться со своей ненаглядной идеальной девочкой. Фитоняша даже радуется, что многочасовой процесс растянут, как жвачка, потому что она боится не узнать своей любовницы на холсте. Фитоняша крепко уповает на надежду, что на рисунке она окажется живее её самой.

Вскоре Гот скрывается за мольбертом. Совершает размашистые движения. Фитоняша сгорает от любопытства. Ей ничего не видно. Зато она уже привыкла к инородному предмету, не замечает цветочного стержня у себя в заднице. Её даже не волнует тот факт, что её трахает ароматный цветок.

Она словно обращена в каменную статую.

– Слушай, я хоть и гимнастка, но подобной йогой ещё не занималась, – ломается девушка, когда время переваливает за полночь. – И вообще, что за поза такая странная? – отдувается она, но замороженный Гот не реагирует на её нытьё.

Он полностью поглощён тем, что творится под его кистью. А под его кистью творится натюрморт.

***

Фитоняша подбирает с пола разбросанную одежду и, ёжась, натягивает её обратно. Она, шатаясь, подходит к Готу и знакомится с его картиной.

– Это нечто челюстноотвисное, – констатирует она.

На полотне далеко не правдивые пропорции, да и поза несколько ломаная. Внешность Фитоняши скопирована только в общих чертах. Мелочи и детали её личика, параметры фигуры не использованы.

– Зачем ты заставил меня пресмыкаться перед тобой с цветком в заднице, если картинка далека от оригинала? Ты мог бы и без дрожащего манекена намалевать это чудо, – обижается девушка.

– Да, у меня не реалистичные картины. И не академические рисунки, – соглашается Гот. Рёбра его ладоней в густо-розовой красе. – Я смешиваю кубизм с экспрессионизмом, – объясняет он. – Что касается твоего присутствия, то... Я нуждался в постоянной эмоции, которую испытывал, глядя на тебя. Я срисовывал не твоё тело, а свои чувства, вы-

званные тобой. Я, скажем так, видел ментальное отражение. И моя картина – это аллегория на эмоцию. Её визуализация.

– Хм. Занятно. И какая же это эмоция? – фыркает Фитоняша.

– А разве не видишь? – ровно уточняет парень с розовыми руками.

Танцовщица ещё раз обращается к плоскому изваянию и, пригнув брови, сверлит его глазами-дрелями.

– Эм... – чешет плечо. – Уставшее высокомерие. Аристократичное заточение. Какая-то безысходность и мольба, скрываемая гордостью, – как-бы читает она, захваченная чем-то, что правдивей зеркала. – Хоть запечатлена и девушка, возникает неприятное ощущение, что это изображение неживой природы. Что перед нами не человек, а вещь, – пугается она. Фитоняшу притягивает акриловый кадр. Она чувствует, что находит ниточки, ведущие к ней самой. – В то же время сквозит такая природная натуральная пошлость, – облизывает губы. Девчонка, похороненная внутри неё, раздвигает занавески сознания. – И стиль, стиль... – сбивчиво торопится она. – Он схож с моим танцем. Если бы Vogue было можно запечатлеть, то именно так.

– Верно. Твой танец и есть гибрид кубизма и экспрессии, – подхватывает Гот. – Мы воспринимаем жизнь одинаково, но по-разному её живём.

– Слушай, а как ты меня назвал? Ну, в смысле картину? – интересуется Фитоняша.

– «Ваза», – не задумываясь, отвечает Гот.

Самопитие

После Фитоняши Гот испытывает воодушевление и творческий подъём. В последней работе он акцентировался на «мёртвости» и поэтому не смог уделить достаточно внимания женской груди, которая сама по себе сюрреалистична и не нуждается в прикрасах, интерпретациях и маскировках.

Два дня Гот проводит около выпуклых покатых гор, под которыми зарыто сердце. Эти горы больше напоминают вулканы. Но наполнены они не лавой – молоком. Горячим, уже вытекающим из млечной поры и обливающим бежевую кожу. Но горы не простые и не золотые, а живые. У них есть рты. На каждой картине Гота есть раскрытый рот. И эти голодные отверстия требовательно тянутся к пище. Грудь жадно сосут друг друга. Их жадность животная, дикая, необузданная. Они приподняты, вызывающе стиснуты и буквально разрешаются белой смесью.

Гот не планирует их обнажать, но Чмо всё-таки просачивается в его мастерскую.

– Божечки! Как это мерзко! – зажмуривается он.

Готу остаётся лишь томно вздохнуть:

– Лучше подскажи, как это обозвать: каннибализмом или самопитием? – советуется он.

– Не терзай меня выбором! – умоляет Чмо, но понимает, что должен откупиться за нежеланное проникновение. Бровь

Гота неминуемо ползёт вверх, как бы подгоняя его: «Ну?». – «Каннибализм» более понятен и очевиден. А «Самопитие» больно внезапное и слоистое. Жуткое.

– Значит, «Самопитие», – довольно улыбается Гот. – Зрителя нужно удивлять, – умиротворённо бормочет он, хотя зрителей у него не больше двух штук.

Кака

Чмо идёт по следу, который ведёт его к новой форме. К безумному сочетанию. Чмо находится под влиянием футуризма. Он совмещает его с умильными диминутивами. Он щедро сыплет ими в строчки, строченьки, строчушки, строцишки.

– По щёчкам слёзки катятся,

Поэмушки горят,

И на стишочном кладбище

Коллекция гробят, – слушает его Матвейка. Чтобы мишуточке не было боиньки, Чмо укрывает его пледиком. Чмо в творческом экстазике. Ураганчик страстюлички закручивает его, как плойка волосы. Ротик Чмо приоткрыт, словно он ждёт поцелуйчика.

Чмо подкупают тщеславные амбиции. Он уже представляет, как его признают первопроходцем. Ведь он действительно топает по тем местам, где не бывало пёрышко поэта.

– Упало сердце в пяточки,

Глазята на смартфончики,

Ротята улыбаюче

Прижаты к сладким пончикам.

Обычно лирика Чмо посвящена любви, но теперь он не гнушается и темы зависимости. Чмо понимает, что все мотивы уже излапаны, но ведь главное не что говорить, а как.

Чмо предвкушает восхищение, и оттого его дыхание спешит впереди паровоза, но он берёт себя в рученьки и входит к Готу.

Тот малюет омерзительную картинку, но Чмо только кричит личико. Гот что-то бормочет про самопитие, а Чмо подпеваает ему про гробят.

– Как тебе? – дрожит Синьорово-Помидоровый голосок.

– Какая-то дичь, – сухо скупится на заслуженные комплименты Гот.

– Но ведь это так свежо и образно! – возмущается ангелочный парень.

– Всё это пережиток. Ты ведь бываешь в секунд-хенде и знаешь, что вещи отправляют в повторное употребление. Так и с содержанием твоей чепухи.

– Чепухи?! – в интонации Чмо застывшая обида. – Почему ты так жесток?! Почему ты так жесток, Гот?! – восклицает Чмо.

– Я правдив. И прям. Неужели этого достаточно, чтобы быть жестоким? – парирует.

– Ты мог бы быть мягче, – надувает щёчки.

– Прости. Не все такие сьюшные, как ты, – хмыкает Гот, поворачиваясь к млекоточащим грудям.

Чмо насуплен и разочарован. Неужели содержание главнее формы? Неужели его работы ничего не значат? Не имеют художественного веса? Чмо кажется, словно его надули. Вместо бриллиантов подложили стеклянные подделки. Безделушки. Всё, во что он верит, обесценивается. Христос не воскрешается. Бог не создаёт Адама и Еву. На Пароходе Современности не остаётся места. Для него.

– Понимаешь, просто обо всём уже сказали до меня, Гот. Вот мне и остаётся только какать. И получается одно говно, – печалится он.

– Хах. Какой меткий каламбур, – горько усмехается Гот.

– Что же мне делать? – хлопает ресницами кудрявый мальчик.

– Жить. Или помирать, – крайне конструктивно отвечает Гот.

Интерсекс

Фитоняша имеет личный иконостас, но нетрудно догадаться, чьи образа висят вместо Божией Матери с младенцем на руках. Фитоняша основополагает собственное религиозное течение. Она поклоняется своей возлюбленной. Целует её, прикасается лбом. Перед ней она исповедуется и молится. Размышляет о жизни вообще.

– Родная! Когда у твоего парня много любовниц, то каждая ночь, проведённая с ним в одной постели, превращается в интерсекс. Получается соотношение одного тела с другим. А мне не нужны эти оскорбительные сравнения. Интимные соревнования. Напрасные старания. Всё равно не переплюнуть обученных стриптизёрш и шлюх, усваивающих искусство минета. Но знаешь, – улыбается сквозь слёзы (светлая улыбка), – мне больше не больно. Я самодостаточна и сильна. Мне ни к чему лживые подонки. Потому что у меня есть ты.

После выговора девушка делает несколько простых святок, дабы развеяться, разгрузить мозги. Освободить сознание. Фитоняша включает песню Франсуазы Арди «Traume». Она перекликается с её душевным состоянием, и руки, чуть согнутые в локтях, поднимаются вверх, и шея вращает голову, и движения её воздушны, как тревога.

Аватарка

Следующую неделю Гот работает над двумя полотнами. Первая картина называется «Тест Люшера», потому что в ней принимают участие всего двенадцать цветов: серый там, малиновый, синий. Зелёный. Коричневый. Красный. Жёлтый и чёрный есть.

Вторая, не менее концептуальная вещь, представляет собой автопортрет и носит название «Аватарка». Да, рот его разинут. Ничего удивительного. Проходите мимо.

Гот каждый вечер прогуливается под фонарями, бросающими по-медовому густо-жёлтый свет. Крошит ботинками сухие листья. Топчет сырую морду асфальта. Трогает глазами тучи, похожие на стаи крыс. Гладит их против шерсти.

Делает это он после того, как кончает раздавать листовки с рекламой уникального конца света. Лучшего. Неповторимого. Этот скромный бизнес приносит им то, на что можно обзавестись канцелярией, провизией. Конечно, иногда приходится погибаться, но им нравится нищенствовать. Нравится подражать японцам. Богатая жизнь навеивает скуку. Как писал Шекспир, избыток вкуса убивает вкус. Им нравится бардак. Нравится одиночество. Социальный вакуум. Отрезанность. Не то чтобы их аскетизм намерен, но они не стремятся от него избавиться.

Гот присаживается на облупленную доску, висящую на

цепях. Утыкает носки ботинок в вытоптаный кратер, толкается. Снова чешет крыс. Одна из них проткнута лунной запятой цвета клея ПВА. Другая рваная, как джинсы. Душа Гота напоминает джинсы. Гот готов закричать, но спокойствие городского вечера требует тишины. Гот мёрзнет, и его руки становятся цвета крысиных лапок. Гот зажимает рукава кардигана между ладонями и пальцами, но лапки не согреваются. Гот поднимается и шаркает к подъезду.

В квартире с повышенной эхолокацией правит безмолвие. Фитоняша тербит измученный клитор, Чмо царапает бумагу, будто она чешется. Гот ложится отдохнуть, но воспоминания настойчиво тербят его уставшие мозги. Гот поворачивается к «Аватарке», и его слегка отпускает. Теперь можно опустить ресницы, похожие на крысиные усики, и почти заснуть.

Боги

После того как Чмо справляется с разочарованием, он на время откладывает стихотворную мозаику и просто позволяет себе расслабиться без всякой генерации идей. Взглянуть на происходящее со стороны. Ничего интересного. Просто кучка творческих беспризорников болтают ножками над пропастью пустоты. Они так, уважаемые никто. Потроха Бога в окружении Адамовых рёбер. Но всё-таки Бог состряпал их и отправил на Землю метким щелбаном под зад. Он создал их так же, как Чмо создаёт стихи.

Следовательно, Чмо тоже является Богом для своих стихов. Он такой же творец. И любая его поделка пусть и не идеальна, но единственна в своём роде. Чмо из ничего рождает образы. Как и Гот. Как и Фитоняша. Только средства их отличаются, но это неважная деталька. Вся штука в том, что они демиурги. Они Боги. Они Богема.

Чмо подскакивает к Матвейке и шепчет ему в ушко:

– Представляешь? Мы Боги! Мы самые натуральные Боги! И наши картинки, стихи, скульптурки, танцульки ничем не отличаются от Евы и Адама! Разве что они не умеют грешить. Они – наши рёбра. Наши впечатления и переживания. Наш опыт. Наши чувства и эмоции.

Чмо немного думает, а потом снова утыкается в бежевую шёрстку:

– Но если Бога соотносить с Богемой, то и его творения нужно приравнять к искусству. Это ведь элементарная пропорция! – восклицает он. – Понимаешь? Люди – произведения искусства! – Чмо впервые говорит ту фразу, которая подарит ему несколько дырок в живот.

Чмо хватается за бумажку, мятую, словно вытащенную из попы, и принимается писать. Он задумывает целый трактат с броским заголовком вроде «Люди как искусство» или:

«Произведения искусства среди нас».

Или:

«Планета Земля как музей изобразительных искусств».

Чмо целую неделю горбится над бумажками, мятыми, как из попы, и выдаёт сногшибательный результат.

Любовь без правил

Лучше бензина горят только девушки. Со стыда. За свои несовершенные фигуры. За неудачные попытки заняться сексом с тем, кого обожествляли.

Перед тем как стать педанткой в питании и перфекционисткой в тренировках, Фитоняша просто любила. Любовь её и сподвигла стать лучшей версией себя.

В Фитоняше до сих пор звучит эхо былых оскорблений. Издевательств. Насмешек. И эхолокация в её душе точнее, чем в комнате, чьи стены не оклеены обоями. В цветочек или в узор. Неважно. Фитоняше стыдно вспоминать, как её парень заставлял учиться у Жанны. Ставил в пример Лейлу. Говорил, что Ирина справляется с минетом лучше. Говорил: «Ты недостаточно гибка».

Или:

«Ты слишком скованна».

Или:

«Ты не считаешь мои желания».

«Ты неподатлива. Неповоротлива. Мне не нравится, как у тебя собираются складки на животе. Меня удручает, что твоя спина вместо того чтобы прогибаться – округляется, как колесо»...

Целый коктейль претензий. Микс упрёков. Фитоняша постоянно напряжена, как на пижамной вечеринке, во время

которой включён фильм ужасов, и ты невольно ожидаешь резкого возникновения силуэта в дверном проёме.

Фитоняша изнуряет себя растяжками. Фитоняша готова завязать своё тело в узел, лишь бы угодить любимому тирану.

– Хули ты опять морщишься, как овца, теста кусок размазанный?! – кричит её бойфренд, резко покидая её обожжённый болью анус. – Даже в задницу дать не способна!

Фитоняша живёт на пороховой бочке. Фитоняша слепнет. Больше она не верит зеркалу. Теперь она считает себя уродиной. Когда Фитоняшу бросают, она попадает в вакуум. Не понимает, откуда и почему берётся облегчение. Она убеждает себя, что страдает, потому что она должна страдать. Потому что она уяснила: бьёт, значит, любит. Больше её никто не любит. А как жить без регулярной любви? Без любви в живот. Без любви за волосы. Без любви в рёбра.

Несколько недель Фитоняша болтается по гостиницам, после – больницам. Всё, что у Фитоняши остаётся – это растянутое тело и музыка, музыка в голове. Мышцы помнят движения, какие помогают обрести уверенность. Крикнуть, мол, я не слабачка. Мол, гляди, я не растоптана. Я вознесена. Я божественна. Я прекрасна.

Фитоняша остаётся с собой наедине и убеждает себя, что талантлива и сексуальна. Больше она не вяжется в любовь без правил. Не позволит вымещать на себе гнев всяким придуркам, самоутверждаться за свой счёт. Не позволит касать-

ся своего тела, ибо теперь это не тело, а оголённые провода. Осторожно. Могут шарахнуть током.

Фитоняша больше не доверяет ни одному мужчине. Она знает, что любые объятия – заурядная увертюра перед траханьем. Нет в них ничего нежного. Ничего интимного. Ничего исцеляющего.

Фитоняше комфортно внутри себя. Она замыкается, обращается вовнутрь. Внутри мирно и безмятежно. Так мирно, как на дне океана, на поверхности которого метровые волны, пронзённые мечами молний. Так безмятежно, как вате раковых клеток, давящей на мозг. Очень хорошо, в общем.

Крыса

Гот растирает по лицу защитный крем, увлажняющий кожу. Обрабатывает её поверхность тональником. Добивается мертвецкой бледности. Аккуратной кисточкой-спонжем растушёвывает тёмно-серые тени. Трёт губы друг о друга, распределяя чёрную помаду равномерно. В ушах болтаются кресты серёжек. Гот продевает руку в рукав атласной скользкой рубашки. Вставляет ноги в расклешённые брюки, точно карандаши в стаканы. В таком виде Гот идёт в школу – второй дом ученика. В школе классическая музыка вместо звонков и отзывчивый коллектив, который подвергает его буллингу. Со всех сторон доносятся шипящие насмешки:

– Что за индейский раскрас? Ты что, индеец?

– «Аватара» посмотрелся?

– Да он типа под рок-звезду косит, да?

Гот опозорен и осрамлён. Ему неловко находиться в классе. Приходится отмалчиваться и сидеть не отсвечивать.

– Страшилок начитался? – с задней парты.

Когда все прутся в раздевалку переодеться на физкультуру, Гот собирается втихушку свалить, да не тут-то было. Его хватают за руки и ведут в зал. Ботинки не могут упереться в пол, сопротивляться бесполезно – напор настойчив и непоколебим.

В огромном кубе спортивного зала, не дождавшись коман-

ды «Смирно!» или «Равняйся!», закадычные друзья атакуют его баскетбольными мечами. Метят в лицо, чтобы попортить макияж или сломать нос. Гот пытается увернуться, выпячивает плечо, но без толку. Удар накаченной камеры горячей пульсациейогревает щёку. Шершавая коричневая поверхность мяча, расчерченная чёрными полосами, аккуратно вминается в переносицу и губит утренние старания. Гот пробует выскользнуть в коридор. Пробует побежать, точно солдат под обстрелом, но его окружает толпа шестнадцатилетних гогочущих дикарей.

– Целься ему в задницу!

– Это что, выродок сатаны? Ты что выёбываешься, педик?

Гот морщится от боли и стыда. Он с надеждой и страхом ждёт конца своего вынужденного выступления, но травля не стихает. Гота травят, как крысу.

Но вскоре пронзительная трель свистка заставляет преследователей оглянуться и растерять браваду. Взрослый дяденька командным голосом разгоняет ораву мелких грубиянов, тактично интересуется, всё ли в порядке. Гот только опускает голову и выскакивает за дверь, как пробка из бутылки шампанского. Как пуля из револьвера.

Гот растирает чёрные нитки слёз по горящим огнём щекам. Ему невыносимо стыдно. Хочется кричать, но стыд сжимает челюсти. Гот надеется забыть всё приключившееся, но понимает, что его обидчики вряд ли жалуются на память. Они ещё долго не забудут триумф превосходства. Они вдо-

воль насладились чужим унижением.

Больше Гот не пользуется помадой и прочей косметикой. Теперь он рисует исключительно на бумаге. «Художники, – решает он, – те же визажисты, только прихорашивают они альбомные листы».

Гот смиренно подчиняется системе и не выделяется из толпы, но его продолжают кликать педиком и при случае опускать пошлые шуточки на переменах. Гот мечтает стать таким же невидимым, как шпилька, запущенная в свадебную причёску. Гот мечтает ликвидироваться из жизни. Гот не любит просыпаться. Ему так паршиво, что хочется свернуть с дороги и прогулять уроки. Вообще прогулять жизнь. Его угнетают предстоящие будни. Судьба даёт ему грусть в аванс. Судьба даёт ему в аванс отчаяние. Гот знает, что этот аванс он отработает сполна и, более того, получит чаевые.

Гот упорно не берёт в толк, почему его избрали на роль козла отпущения. Чего им стоит колкое словечко, сохранённое в пасти? Неужели так необходимо измываться над его душой? Что они потеряют, не обозвав его малолетним трансвеститом? Что они обретут? Почему жестокие людишки упиваются посторонней болью? Их наслаждение намного мимолётней того кромешного мрака, в какой опускается Гот. Зачем, ну зачем гнобить того, кто и так надломлен? Кто и так обречён. Но, видимо, белые вороны созданы лишь затем, чтобы их заклёвывали чёрные сородичи. В средневековье рыжеволосых женщин считали ведьмами и сжигали их

на кострах лишь потому, что отличались огненным цветом волос. Что ж, так устроен естественный отбор.

Отныне Гот молчалив, угрюм и застенчив. Зато он чётко уяснил, что открыться человеку сложнее, чем открыть Чу-па-чупс.

Библиотека

Чмо натягивает мягкие растоптанные кеды, завязывает на бантик шнурки. Сгребает в охапку пачку замызганных листов и выбирается под небо цвета варёной говядины. Накрапывает дождик. Чмо подхвачен ветром вдохновения. Все его клеточки насыщены энтузиазмом вместо кислорода. Чмо готов без умолку трещать и выплёскивать всё то, что поместил в рукопись. Но он сдерживает поток восхищения в груди, унимает назойливую щекотку в нервах и смиренно чапает до здания библиотеки. Старого, но симпатичного и, главное, сухого внутри.

Чмо вовремя достигает книжной гробницы, любезно здороваётся с женщиной сорока лет и просит разрешения воспользоваться компьютером. Садится за казённую машину, укладывает листы в хронологическом порядке и принимается стучать по клавиатуре. Пальцы Чмо не так проворны и ловки, как хотелось бы, так что приходится терпеливо ждать, пока они наткнутся на нужную букву. Чмо подозревает, что на набор текста понадобится не один час.

По окну, ограниченному жалюзи, стекают змейки робкого дождя, и оттого в помещении уютно. Рабочая обстановка располагает к продуктивному труду. Постепенно Чмо ускоряется. Мимо него снова проносятся гениальные умозаключения.

«Жить, значит, заниматься искусством. Просто происходит, значит, заниматься искусством. Каждый человек прекрасен и уникален. Каждый является неповторимым шедевром главного Творца, Бога, – печатает Чмо. – Поэтому люди требуют к себе осторожного отношения, как и охраняемые в музеях скульптуры. К ним нельзя относиться с беззаботностью младенца. Нельзя позволять себе небрежные слова в адрес произведения искусства, так как они могут его уколоть, осквернить и деформировать. Каждый должен отдавать себе отсчёт в том, как себя ведёт. Мы должны быть осмотрительней и осторожней в обращении друг с другом. Должны устанавливать жёсткий контроль в том, что говорим и как говорим. Нужно быть внимательней и тактичней», – печатает Чмо. – И любое насилие – вандализм. Всякий удар – вандализм. Ни одно произведение искусства не вправе калечить или уничтожать другое, ибо все они удивительны. И ни одно произведение искусства не бывает в двойном экземпляре. Жестокость – вандализм. Неучастие и безразличие – вандализм. Резкие упрёки и оскорбления – вандализм», – печатает Чмо.

Его пальчики не знают покоя. Чмо верит в то, что занимается благим, общественно полезным делом. В его работе есть практическая ценность, социальное значение. Это не просто стишки с деминутивами.

Чмо потягивает молочный коктейль со вкусом ванильного мороженого через узенький белый хоботок. Тонкая сладость

наполняет ротик, но желудок всё равно посасывает голодок.

Чмо распечатывает текст своего многообещающего доклада и, удовлетворённый, медленно бредёт домой. Вдыхает сырой воздух, пахнувший ветром и гнильём. Небо перетекает в асфальтовый оттенок. Дождь унимается, но лужи, словно кровоподтёки, остаются на дорогах.

Драка

Стенки холодильника обклеены фотокарточками, словно школьный шкафчик. Ну, ученическая кабинка с металлической дверцей. Камера для хранения вещей. К каждой стене прищиплено несколько десятков снимков, на которых Фитоняша с распущенной гривой волос позирует анонимному оператору. На которых одни сочные, как клубника, губы Фитоняши. На которых одни фигурные руки Фитоняши. На которых одни полнокровные ноги Фитоняши с намёком на коричневый, как крем-гель с экстрактом какао, загар.

Девушка окружает себя собой. Девушка влюбляет себя в себя. Девушка бредит. Девушка доводит себя до паранойи. Девушка видит, как Гот срывает фотографию и рвёт её пополам...

– Ты что творишь?! – обезумев, вопит она.

– Это для твоего же блага, – степенно отвечает Гот, складывая части друг с другом, и разрывая их ещё раз. – Ты ведь уже помешалась на этих снимках.

– Не тронь! – кричит Фитоняша. Клокотание ярости стучит под кожей. От негодования всё её естество наливается острой потребностью вцепиться в лицо самовольного мерзавца и поставить обидчика на место. – Не смей трогать мою девочку! Ты, гнусный насильник! – срывается она и вклеивает размашистую пощёчину.

Ладонь тюкает, но это только раззадоривает драчунью, и она с размаху царапает Гота от уха до носа. На его щеке розовеет царапина от ногтей, точно от миниатюрных граблей. Ошарашенный и несколько отрезвлённый, он прогоняет, должно быть, немой писк в ушах, бросает на пол растерзанную Фотоняшу и сжимает запястья Фитоняши. Крепко – белеет кожа.

– Даже не думай бить меня! – задыхается Гот, на что соперница только показывает язык и вырывается из клешней.

Бойко несётся в его мастерскую, впопыхах оглядывается по сторонам и нападает на кусок грунтованного картона, на котором лежит растёкшаяся боль. Фитоняша, как каратистка, разворачивается на одной ноге, второй со всей дури пинает боль. Каблук протыкает голову и заставляет картину скорчиться, согнуться пополам.

– Не порть мои эмоции! Не смей осквернять мою боль! – каркает Гот, мчась к месту происшествия. К месту ЧП. К месту убийства. – Я слишком дорожу своей болью! Кто тебе давал права её топтать?! – голос тонет в слезах.

– А тебе терзать мою любовь? – парирует Фитоняша.

Девушка издаёт что-то между всхлипом и звериным рёвом и вцепляется в волосы Гота. Сжимает его пакли между пальцами, тянет, желая вырвать. У бедняги голова мотыляется по всей округности. Фитоняша прогибается в спине, дабы противник не мог лягнуть её ботинком в живот. Контролирует ситуацию. Не даёт этому говнюку выкрутить-

ся. Действует быстро, словно всю жизнь занималась борьбой. Лупит остервенело, бьёт основанием ладони в переносицу. Жаждет проткнуть его пузыри глаз.

От каскада её ударов Гот сползает на пол и сдаётся. Просто сдаётся. Сворачивается в позу крешетки, поджимает колени к груди, наивный.

– Больше не рви мне сердце! Не рви! Не рви! – таранит Фитоняша.

– Да успокойся, бешеная! Мы в расчёте! Сколько можно мстить? И так свернула шею моей боли! – сплёвывает поверженный.

– Твои каракули всего лишь каракули! А моя возлюбленная – единственное, что дорого и мило сердцу!

– Не обесценивай! – почти хнычет Гот.

От ненависти. Праведного гнева. Ещё чуть-чуть, и из каждого ока хлынет по водопаду.

В конце концов обессиливает и девушка. Опускается на корточки, упирается локтями в колени, скрещивает кисти рук. Немая сцена. По-другому не назовёшь. Слой тишины-стого и вязкого воздуха пахнет ссорой. Возвращается Чмо. Улыбчивый мальчишка проходит в комнату, изумлённо тарашится на вырванные клочья волос, на друзей, сидящих возле них, и спрашивает:

– Всё нормальненько? Что-то произошло? – мнётся его улыбка.

Гот поднимается. Хмуро указывает на пострадавшую кар-

тину.

– Вы поссорились? Подрались? – ахает мальчик.

Фитоняше хочется с жаром отстоять свою правоту. Объяснить, кто начал первым. Поделиться первопричиной. Но. Она молчит. Слишком саднит в груди. Стоит моргнуть, как выскакивает болезненный флешбек. Миловидная Фотоняша – разодрана в клочья.

– Что же вы как кошечка с собачкой? – как мама, отчитывает провинившихся Чмо. – Вы огорчаете меня. Расстраиваете...

– Не нагнетай, – вздыхает Гот.

– Вы просто не понимаете! Вы должны видеть в друг дружке произведения искусства! И любить друг дружку как братик и сестрёнка!

– С каких пор ты заделался в альтруисты? Может быть, мне ближе мизантропия? – Гот напускает на себя привычную невозмутимость.

– Ну вот что ты опять унываешь? Ты не улыбаешься, даже когда произносишь «сыр» на камеру. Так нельзя! Невозможно жить в постоянной сепии! – почти с пенкой у рта доказывает Чмо.

Затем следует лекция про божественно-богемную ахи-нею.

– Не утомляй, – фыркает Фитоняша.

– Вот вы не слушаете меня, а я покажу свои философские труды профессорам! И насилия станет меньше! – свято верит

глупенький Чмо.

«Пусть верит, – позволяет Фитоняша. – Потом остынет, умерит аппетиты, разочаруется и замкнёт ротик на ключик. Так происходит всегда».

Задыхаясь в комнате, полной воздуха

Гот понуро скользит взглядом по разворошенной боли. Бордовый фонтан краски, бьющий из её рта, помят, сжёван. Даже как-то реставрировать и спасти картину не хочется – неприятно лишний раз обжигаться. Лучше запрятать обидный плевок в душу подальше и не замечать его. Игнорировать. Жить дальше. Так говорят в случаях, когда сожаление и тоска глодают тебя, словно косточку персика или сливы, или абрикоса. Но всё же Гот ассоциирует себя со сливой. Она больше похожа на синяк. На один из множества синяков, что покрывают его руки. Именно поэтому он таскает на себе растянутый и выцветший кардиган. Пусть никто не видит его сливовых гематом.

Готу паршиво. Гот съёживается на матрасе. Не получается даже почти заснуть. Он чувствует себя обманутым и кинутым. С теми людьми, с которыми он позволял себе расслабиться, отныне придётся держать оцарапанное ухо востро. Быть готовым залезть в панцирь. Забаррикадироваться хитиновым покровом. Стать непробиваемым. Стать отстёгнутым от реальности. Стать одиноким.

Ведь кому они нужны – друзья? И зачем они нужны? Чтобы переключать с больной головы на здоровую? Спасибо, Гот в этом больше не нуждается. Нет нужды оставаться в долгу. Гота не шибко прельщает мысль, что однажды с него

спросят. Подсчитают на калькуляторе всё то, что он наговорил, сколько слёз оставил в жилетку, и потребуют взамен непосильную услугу. Или, ещё лучше, ударят в его Ахиллесову пятю. Вот будет потеха!

Впрочем, это предательство уже произошло. А ведь он поступил из благих намерений. Недаром возникла пословица про дорогу в Ад.

Гот давится обидой. Захлёбывается жалостью к себе. Если бы Гот был чуточку импульсивней, то уже ушёл бы на улицу в неизвестном направлении. И неважно куда идти. Неважно где проливать слёзы и дышать на замёрзшие окоченевшие пальцы. Важно то, что он показал бы, как его задело безрассудное нападение. Девушке, которую он рисовал, дороже какие-то жалкие фотографии!

По телу разливается жар. Гот горячо всхлипывает и почти страдает.

На край матраса присаживается Чмо, но Гот не желает беседовать с ним. Он ещё не наревелся. Не выплакался. Он ещё не готов к разговору, потому что вместо слов одни эмоции, в которые, к тому же, никого не хочется посвящать. Это личное. Это сокровенное. Это что-то, принадлежащее только ему.

Теперь Гот понимает, почему дед насрал в коляску. Чтобы никто не уволок её, он занял её дерьмом. В детстве смеёшься, а, будучи взрослым, осознаёшь трагедию дедовой жизни. Сейчас Гот и сам готов насрать в свою душу, лишь бы отпуг-

нуть всех участливых и небезразличных. Лишь бы никто не любовался собой за его счёт. Мол, поглядите, какой я хороший – утешаю несчастного. Очищаю карму. Тьфу. Противно. И вот он – этот небезразличный альтруист, сидит на краю матраса, глаза, как гвозди, вбивает в пол.

– Не огорчайся, – пищит.

– Смерть утопающих – дело рук самих утопающих, – сухо замечает Гот.

– Ты о чём? – вытаскивает гвозди Чмо.

– Да она же зависима от своих фотокарточек. Это нездорово. Я предложил помощь, а она накинулась на меня, как на заклятого врага. Что ж. Пожалуйста. Пусть и остаётся со своими нюдсами. Дальше роет себе могилку, – сквозь зубы цедит Гот.

– Не будь таким жестоким, – с укоризной встревает Чмо.

И это окончательно сжигает Гота. Неужели и кудрявый святоша оставляет его? Называет его – жертву – жестоким?

От несправедливости и небывалой наглости Гот задыхается и с шипением прогоняет Чмо:

– Убирайся! Убирайся! – прозрачные нитки слёз свешиваются из глаз и срываются на полосатую ткань.

– Прости... – лепечет, дабы сохранить репутацию миротворца.

– Вон! – не щадит его Гот, возводя вокруг себя стены обиды.

Пусть мучаются виной, пусть лезут к нему. Он останется

неприступным. Гордым. Он останется угасать.

Подарок

Он – спящее произведение искусства. Он – кушающее произведение искусства. Он – какающее произведение искусства. Он – произведение искусства, идущие чёрт знает куда. Куда-то, если слушаться интуиции, где примут его трактат.

Глупый. Его трактат не примут нигде.

Чмо проникает в Институт чего-то и стучится в кабинет кого-то. Всё как в тумане. Ладонки потненькие. Изнанку лижет холодный язычок волнения. Животик скручивается в узелок, который не в силах развязать даже Но-шпа. Чмо сглатывает слюнку и здороваётся, как прилежный ученик, коим он никогда не являлся. Его интеллектуальные способности кругленькие, как нолик. Чмо обрисовывает суть дела и презентует свои мысли.

– Милая гипотеза, – хмыкает представительный мужчина с аккуратным квадратиком чёрной бородки. Глаза его прячутся за прямоугольными стёклами очков. – Но эту гипотезу Вы никак не проверяете, молодой человек, – важно и как-то снисходительно констатирует он.

– То есть? – Чмо превращается в кубик льда.

– Во-первых, Ваша теория существует только в рамках креационизма, – попыхивает сухим кашлем.

– Чего? – морщится Чмо.

– Почему Вы считаете, что человека создал Бог? Почему не рассматриваете гипотезу внешнего вмешательства или теорию эволюции? Понимаете, ваши суждения несколько наивны, поскольку опираются на мифы. Нет, картинка, безусловно, красива – с этим я не спорю, но Вам не стоит претендовать на внимание. Более того, на что повлияет Ваша идея? Какое общественно полезное значение она имеет?

– Люди станут добрее друг к другу, – почти немеет Чмо.

– Ох, Вы меня и насмешили, ей-Богу! – трясётся собеседник. После передышки спрашивает. – Вот ещё что. Почему тогда произведения искусства болеют шизофренией? Почему произведения искусства бухают перед телевизором? Почему произведения искусства совершают суицид?

– Даже у Венеры, богини красоты, нет рук. Произведения искусства вправе быть несовершенными. Произведения искусства вправе болеть шизофренией.

– А убивать друг друга? – заинтересованно перебивает мужчина в очках.

– А вот это уже вандализм. Вскрывать себе вены – вандализм. Доводить до самоубийства – вандализм.

– Эх, нет Вам места в мире философии, – ставит диагноз.

– Но ведь таково моё мировоззрение! – возмущается Чмо.

– Вот и оставьте его при себе. Свободны. Можете идти, – машет рукой.

Чмо задирает носик, сжимает свои листочки и заявляет:

– А я всё равно буду пресекать насилие. Я буду пропаган-

дировать свою идею. Нести её в массы. Вы ещё увидите! – обещает он.

– Ради бога. До свидания, – заключает невежда.

Чмо, громко топая, выходит из аудитории и выбегает на улицу. Небо чистое, как правда. Свежевыжатое. Любо-дорого глядеть в его лазурную плоскость. Чмо слегка отпускает. Просто ему придётся действовать иначе, избирать другие пути. Более рабочие. Он станет общественным активистом. Он помирится с Готом. Всё будет хорошо.

Несломленный, Чмо топает по рассечённой трещинами асфальтовой дорожке. По бокам озябший серый скверик. Ржавые качели. Заброшенные песочницы. Облупленные скамейки. Железный самолёт, упавший на одно крыло. Урны, подле которых валяются окурки и сухие салфетки. В этой мёртвой зоне Чмо замечает худую фигурку кота.

Тот сидит около мусорки, словно окуроч. Глаза его окружают тёмно-жёлтые с коричневым корки. Чёрная шерсть пропитана пылью.

Чмо осторожно приближается к бродяжке, боясь его спугнуть, ведь если юркнет в сторону кустов – поминай как звали. А Чмо даже поминать будет нечего.

– Кс-кс-кс, – ласково зовёт он, протягивая фарфоровую руку.

Кошка робко тянет носом в надежде уловить запах колбасы или болони, но затем разочарованно ведёт ухом. Чмо приседает на колени и гладит находку по голове. Находка со-

бирается увернуться и ускакать, но Чмо ловко хватает её под мышками. Поднимает чернушку, которая поджимает задние лапы, обретая форму калача. Укладывает её поудобней, сгребаёт драгоценные записи и с замиранием сердца движется домой. «Лишь бы не оцарапала, лишь бы не вырвалась», – молится Чмо.

Чмо уже представляет, как подарит Готу питомца, и тот отгадывает. У него появится пушистый ласковый друг, которому он сможет открыться. Котик согреет его сердечко, сыграет терапевтическую службу, и парень больше не будет таким грустным и резким. Случайности не бывают случайными.

Боль

– Зачем ты приволок в дом грязное животное? – цокает языком Гот. – Может быть, уже хватит доказывать свою доброту? Мы уже поняли, что у тебя широкая душа, – иронизирует он.

– Вот опять ты противишься. Мог бы порадоваться, что ли, – чешет шею Чмо, пока подарок, поставленный на пол, виляет хвостом.

– Его неудобно держать в доме. Это непрактично. Почему ты ведёшь себя, как ребёнок? Это глупо, – наезжает.

– Смерть утопающих – дело рук самих утопающих, Гот, – напоминает Чмо.

– При чём здесь это? – сводит брови.

– А при том! Этот кот исцелит тебя! Тебе же так не хватает заботы, теплоты и ласки! Этот хвостатый не сможет тебя предать! – раскрывает все карты кудрявый.

– Меня не от чего исцелять, уяснил? Мне достаточно сублимации, – хмыкает брюнет.

– Но твоя меланхолия постоянна! Очнись! – трещит голосок Синьора Помидора.

– Мне комфортно с моей меланхолией! – вгрызается в него глазами Гот.

– Не верю! – упрямится Чмо. – Давай перенесём спор, а сейчас отмоем и накормим кота? – предлагает он.

Гот удручённо вздыхает, как бы говоря: «Ты неисправим. Это безнадёжно». Парень недоволен тем, что ему навязывают его настроение. Приписывают ему те черты, которых нет. Лечат непонятно чем от непонятно чего. Всё это напоминает дешёвый спектакль, но никак не жизнь.

Чмо уже наполняет таз тёплой водой и пытается усадить в него пушистого черта, но тот выпускает когти. Теперь и Чмо обзаводится царапиной, оставленной миниатюрными граблями.

– Помоги! – отчаянно зовёт парнишка.

И Гот присоединяется к водной процедуре. Мочит рукава, заливает пол.

– По какой инструкции их моют вообще? – стонет, пока Чмо трёт пыльные бока демона в кошачьем облике.

– Вы можете как-то тише? – стучит каблуками недовольная Фитоняша. – С чем вы возитесь вообще?..

Гота раздражает её присутствие. Вечно ей надо быть поближе к центру происходящего.

– ...Какое чудо! – восклицает она, увидев четырёхлапного гостя. Без лишних слов девушка принимает его в полотенце, тщательно вытирает и даёт волю привести себя в порядок. – Откуда у нас эта девчуля? – улыбается.

Гота тошнит от её притворства.

– Я подобрал на улице, – коротко рассказывает Чмо. – А что, это девочка?

– Пф, конечно! – прыскает кукла в леггинсах. – Наконец,

нас станет поровну! – смеётся она. Уже перетаскивает кошку в свой лагерь. Уже отнимает у Гота право на первенство в уходе за киской. – Интересно, а у неё нет блох? – задаётся вопросом Фитоняша.

– Есть, – быстро отзывается Гот. Нужно насрать в коляску. Хорошенько насрать, чтобы никто не уволок. – И бешеная, наверное. И царапается. Вон, – указывает на их поэтёнка бровью.

«Наверное, – думает Гот, – все девушки бешены и царапучи».

– Да не нужна мне твоя кошка. Расслабься, – добровольно отказывается Фитоняша, лишь бы оставить последнее слово за собой.

Всегда лучше уволиться самостоятельно, чем ждать, пока тебя унизят увольнением. Всегда лучше бросить партнёра первой, чем самой оказаться отвергнутой. Вот она – гордыня. Во всём своём воплощении.

Танцовщица, вихляя бёдрами, удаляется в зал и включает музыку. Назло им, уверен Гот.

– Как ты её назовёшь? – услужливо интересуется Чмо.

– Не твоё дело, – гнусавит Гот, сгребает несчастную кошку и закрывается в мастерской.

Наконец, настаёт покой. Наконец, его окружают люди, рыгающие отчаянием, депрессией, грустью и унынием. Гот ложится на матрас и разглядывает новую соседку. Глаза, словно два закатных солнца. Два рыжих фонаря. Густо-медовые,

липкие. Шерсть чёрная, словно рынок, на котором продают органы и наркотики нелегально. Красивая, в общем. Готу она подходит. Но, действительно, как её назвать?

– Боль, – решает Гот. – Эй, Боль? Будешь моей Болью? Бо-о-оль, – ласково тянет он, и что-то срастается в его душе.

Начало

Девушка опускается на колени. Ложится на спину, прижимая поясницу к полу. Чувствует, как натягиваются мышцы. Отдыхает. Релаксирует. Вдруг свет закрывает ангельское личико с кудряшками, ниспадающими на лоб.

– Прости, что мешаю, – начинает Чмо, – но давай организуем движение против вандализма?

– Ты заколебал, – отвечает Фитоняша. – Ты затычка в каждой заднице. Сколько можно прессовать мозги? Неужели до сих пор розовые очки не разбились?

– Я подумал, что вместе мы могли бы внедрить любовь в массы. Ну, с помощью нашего творчества. Мы заговорим, и нас услышат.

– Ты не только максималист, но ещё и дилетант, поэтому отстань, – прогоняет мальчишку барышня в красном топе.

– А ты ленивая попа, которая не хочет двигаться дальше, – улыбается Чмо. – Зачем танцевать, писать, рисовать, лепить, петь, фотографировать, если это зациклено на самом себе? Мы должны делиться собой с миром.

– Чтобы тебя растащили? Запомни, харизматиков на всех не хватит. Нет смысла распылаться на людей, которые не оценят твоей жертвы, – усаживается Фитоняша. Её каштановые волосы с коньячными прядями красиво обрамляют лицо.

– Да нет никакой жертвы! Наоборот! Мне необходимо сеять семена добра. Такова моя потребность. В одном мне оно не уместится. Я лопну, – заверяет он.

– Чудно. А меня зачем впутывать? – зевает.

– Мы могли бы объединиться, – в сотый раз замечает Чмо.

– Для чего? – не понимает Фитоняша.

– Для того, чтобы пропагандировать любовь. Чтобы касаться тех душ, которые мучаются тактильным голодом...

– Избавь меня от метафор, – беззаботно бросает девушка.

– Но, пожалуйста. У нас всё получится! Обещаю! – закликает Чмо.

– Ты не можешь такого обещать, – останавливает его скептик.

– Согласен. Но позволь заручиться твоей поддержкой? – предпринимает последнюю попытку.

– Только чтобы ты отстал. И чтобы разработал чёткий последовательный план действий, – уступает Фитоняша, и Чмо крепко стискивает её в своих объятиях.

Фитоняша вздрагивает и замирает с распахнутыми глазами. Уже давно её не обнимали парни, и ей в диковинку мужская ласка. Хочется огородиться от неё, отвергнуть, оттолкнуть Чмо, но он отлепляется сам, победно растягивая губы.

Плакаты

Боль скребётся в дверь. Боль ссыт на матрас. Боль прогуливается по бумажной палитре и оставляет по полу цветные отпечатки лап. Боль орёт, требуя еды. Боль не оставляет его, преследует по пятам.

Гот устаёт, но наливает в одноразовую тарелку молока. Пусть Боль попьёт. Глядишь – и заткнётся. Но Боль не затыкается, а продолжает выносить мозг. Жаль, обои не поскрести – их нет. Гот уже жалеет, что завёл Боль. С ней столько мороки. Ни минуты покоя. Тем не менее он пытается её «охмурить».

– На какую кнопку нажать, чтобы ты зафырчала? Где погладить? Где почесать? – гадают неопытный хозяин.

Боль охотно сворачивается у него на коленях. Гот не видел ничего милее того, как Боль складывает лапки. Гот гладит шёлковую тьму её шерсти. Боль чёрная, словно дельфин. Самая страшная тюрьма России называется «Чёрный дельфин».

Боль трётся щекой о каждую картину. Помечает территорию запахом. Теперь каждая вещь в этой комнате общая. Боль учит Гота делиться и не шевелиться по ночам, чтобы не потревожить её чуткого кошачьего сна.

Когда Гот рисует, она умно сидит рядом. Таращится в пустоту. Неизвестно, о чём думает. Жутко становится. Иногда

Гот и сам так сидит. Безмолвно и абстрагировано.

Кисточка волочит за собой густо-красный цвет. Порезы параллельны бледно-синим выпуклым венам. Сверху подписано «Я занималась вандализмом, и меня не стало». Никогда ещё Гот не рисовал плакаты, и поэтому сейчас чувствует себя не в своей палитре. Гот не знает, как избавиться от ощущения, что он предаёт собственные принципы.

В другой раз Гот изображает две фигуры, которые плюют друг в друга ядовито-зелёными брызгами ругательств. Сверху выверено: «Мы занимались вандализмом и расстались навсегда».

Дождь не то чтобы стучит – он, словно крупа, сыплется на отлив. Кажется, будто из мешка вытрясают зёрна.

Боль сворачивается на подоконнике. Боль чёрная, как дыра. Всё время дрыхнет, когда улицу занимает серый ливень. Хорошо ей сейчас – если бы не Чмо, под машинами бы ютилась. Гот запускает пальцы в загривок Боли, чешет.

Под шум водопада Гот изображает скелет, стоящий на весах. «Я занималась вандализмом и больше не могу есть». Гот всё чаще ловит себя на мысли, что рисует не по нужде, а по желанию.

«Мы занимались вандализмом, и наша дочь ушла из дома».

«Я занимался вандализмом, и заразился СПИДом».

Гот занимается агитацией. Присоединяется к проекту Чмо. Пока слабо воображает, как они будут пропихивать

свои идеи, но делает всё, что в его силах.

Социальное значение

Чмо, наконец, добирается до ответов на вопросы. Заканчивает поиски. Да, всё уже сказано. Любовь, природа, война изучены. Смысла в современной поэзии не больше мизинца. Важно не то, как писать и что писать. Важно то, для чего писать. Зачем. Стихотворение должно влиять на читателя. Быть двигателем его жизни. Не обязательно это будет призыв. Не обязательно пафосные призывы не сдаваться. Не мудрёные филологические штуки. Не простые удобоваримые и легко усвояемые условности. Поэзия должна быть жёстко разоблачительной. Мягко утешающей. Хотя поэзия ли это должна?

Чмо виснет над блокнотом. Греется в лапах Матвейки.

«Живи с аппетитом и музой».

– Не то, – решает он. – Как-то несерьёзно получается.

«Тише тишины.

Громче громкоты.

Ярче яркоты.

Слаще сладкоты.

Живи».

– А это что-то! – вспыхивает Чмо. Елозит так, что Матвейка падает на спинку, а Чмо забирается ему на живот, как Маугли на Балу.

«Умираешь – умирай возражаючи.

Улетаешь – улетай возвращаючи.

Пропадаешь – пропадай появляючи.

Меланхолишь – меланхоль улыбаючи».

Чмо сам не верит, что может написать такое. Как? Ему же свойственны лишь поцелуйчики, обнимашки, фантики и звёздочки. Откуда такие концепты?

«Презираешь – презирай уважаючи.

Обзываеть – обзывай ободряючи.

Избиваеть – избивай исцеляючи.

Помогаешь – помогай».

За окном уже кучкуются дымчато-розовые облака. Пепельно-кисельные облака. Чмо поднимается на ноженьки, усаживает мишку в уголок и пробирается к Фитоняше. В комнату, обставленную зеркалами. И фотографиями. Чмо, не дыша, отодвигает несколько Фотоняш в сторону, чтобы видеть своё отражение в полный рост.

– Не против, если я потренируюсь в читке своих стихотворений? Хочу видеть себя со стороны, – спрашивает Чмо.

Чмо смущается, что придётся зычно и отчётливо проговаривать слова в абсолютной тишине, да ещё при зрительнице. Но ничего не поделаешь. На улице тоже будет публика. И нужно быть подкованным. И Чмо начинает...

– Валяй, – кивает Фитоняша, облизывая ложку, в её руке пачка творожка «Данон». – дикцию подтяни, – беспардонно советует Фитоняша. – Окончания глотаешь. Слюной булькаешь.

Чмо расстраивают её замечания. Ему уже сейчас не терпится достичь безукоризненной декламации.

– С этим ты только опозоришься, хлопик, – предсказывает танцовщица.

– Зачем ты умаляешь мою уверенность? – хлопает носиком Чмо.

– Проверяю на прочность, – отвечает с ложкой во рту.

Чмо дышит, как советуют в инструкции ко всяким медитациям. Чмо гоняет язык во рту, тычет им в щёки. Складывает губки в трубочку, вытягивает их в узкой улыбке. Чмо произносит бессмысленные скопища согласных букв. Но вряд ли это спасёт его от грядущего провала. Чмо в растерянности. Он повторяет всевозможные «аючи». И шепчет себе:

– Паникуешь – паникуй утешаючи.

Люди на людях

Фитоняша натягивает старую джинсовку и рваные, как Фотоняша, джинсы. Вместо привычных стрипов растоптанные кеды.

Конец сентября. К небу применён фильтр «отенок серого». Золотые монеты листьев группируются на асфальте. С утра температура стоит, как в холодильнике. Гот с опаской нагружает себя плакатами, во многом ещё недоработанными и сырыми, как земля.

Фитоняша отправляет в себя разбухшие в кипятке хлопья, даёт Боли облизать коробочку из-под творожка.

– Ну и дурацкое же у тебя прозвище, Боль, – отмечает Фитоняша.

Чмо кутается в кофту цвета Матвейки. Стоит признать, ему она очень идёт.

Они тоже идут. На разведку. И на цирковое выступление по совместительству.

На душе неуютно. Фитоняшу отягощает её участие в общей затее. Хочется свалить на попятный. Никогда прежде девушка не гарцевала по городу с сомнительной развлекательной программой. Всё зыбкое и хрупкое, как виртуальная любовь. В глазах Гота ловит отражение собственных мыслей: «Каково это – говорить в полный голос? Каково это – лезть к людям при социофобии? Каково это – выставлять себя на

всеобщее обозрение? Выносить на суд?»

– Новый опыт всегда пугает и отталкивает, – для ободрения шепчет Чмо. – Это нормально.

– Ещё ни разу не устраивал выставок. Пожалуй, это будет первая галерея в уличном стиле, – нервничает Гот.

Замыкают Боль в квартире, та провожает их и посягает на освоение подъезда – амбициозная дама.

– Главное – транслировать позитив и быть на лёгкой ноге, – непринуждённо говорит Фитоняша, словно для неё подобные мероприятия являются скучной бытовухой. Типа она на них не то что собаку – волка проглотила, не жуя.

Люди спешат на работу. Упаковываются в автобусы. Троица размещается неподалёку от остановки. Гот расставляет картины, на которых длинные шеи. Окровавленные руки. Неестественно ломаные фигуры. Отвратительные отверстия рта. словно перевёрнутые восьмёрки. Или озёра, нарисованные детьми. Невольно взгляды прохожих задевают полотна, но никто не ставит замечаний. Может быть, по отдельности они и потянулись бы к кричащим картинам, но на людях – никогда.

Люди просто не знают, чего от них ждут, как стоит реагировать на такое самовольство. Подавать милостыню? Или снимать на телефон?

Когда призыв обращён ко всем, индивидуально его не воспринимает никто. Хочешь остаться незамеченным – кричи о своей боли в стаю человек. Все как один побоятся вме-

шаться и... опозориться. Перспектива быть опозоренным куда страшней перспективы быть безучастным наблюдателем чужой кончины.

Фитоняша забывается и пропускает мимо ушей, что там глаголет Чмо. Какую-то старомодную фольклорную чертовщину. Внезапно к ним всё же направляются две бойкие девчонки в чёрных косухах. С виду симпатичные, но воняющие куревом и матом. Неплохие, кстати, духи.

– Чего это вы тут устроили? – подбоченивается одна.

Вторая косится на надпись: «Мы занимались вандализмом и расстались навсегда». Фитоняша мгновенно втягивается обратно в реальность.

– А что, мешает? – холодно дерзит.

К их назревающей склоке проявляет любопытство куда большее число зевак. Видимо, никто не любит выскочек, стремящихся выделиться, выпендриться. Мол, поглядите, мы не такие, как все. Мы – чокнутые неформалы, а вы обрюзгшее душевно быдло.

– А вы хоть законно тут тусуетесь? – нападает та, что отвечает за функцию речи в их чете.

– А вы чё, менты? – вновь хамит Фитоняша.

Чмо переминается с ноги на ногу в своей дурацкой кофте. Гот досконально разглядывает киоск на противоположной стороне дороги. Ничего интереснее не видел, наверное. Точно парень не при делах. Он отношения к потасовке не имеет. Клёвая маскировка. Фитоняшу начинает бесить бук-

важно каждый.

– Да что вы тут вытворяете? – заступается за надменных тёлочек мужичок в преклонном возрасте. По такому сразу понятно, что твёрдо убеждён в своей правоте.

– Ребята, вы кто такие? – с обжигающей вежливостью поддакивает полногрудая и полножопая женщина. Её вежливость смешана с издёвкой один к одному.

– Может быть, свернёмся? – умирает от ужаса Чмо.

Но сворачиваться сейчас – это унижаться публично. Лучше сохранять достойное лицо.

– Освобождайте-ка территорию, – просит диванный охранник порядка.

Кто-то пропускает автобус, лишь бы накормить себя впечатлениями. Лишь бы было о чём рассказать на работе коллегам. Лишь бы утолить аппетит. Желательно, чтобы произошла трагедия. Чтобы всё закончилось вызовом полиции или кого-то ещё не менее серьёзного.

– Мы просто читаем стихи, – защищается Чмо.

Защита и оправдание – ошибка номер один. Ты автоматически ставишь свою роспись под согласием на поражение. Фитоняша устало вздыхает, как бы указывая этим вздохом, что Чмо всё испортил.

– А вот что за картины вы показываете? Вы же окружающих пугаете! – укор принадлежит старушке. Наверное, по воскресеньям она ставит свечи в церкви.

Стереотипы, конечно, но Фитоняша согласна поспорить

на цветной струйный принтер. Портал, через который Фотоняша вхожа в её мир.

Точно дождь, намечается скандал. Нетрудно догадаться, кто играет роль туч. Фитоняша, Гот и Чмо растеряны, как дети в новой группе в детском саду. Только они в аду, во взрослом. На них прёт толпа произведений искусства. Возмущённая. Недовольная. Гуща событий. Гуща людей. В общем, три обормота не получают поддержки и признания. Джонатоны Ливингстоны. В армии чаек. На что рассчитывали?

– Уходите.

– Убирайтесь.

– Проваливайте! – чем дольше они упираются, тем яростнее их гонят взашей.

Весьма гостеприимный приём. Отвергнутые и непонятые, сторбившись, убираются восвояси. Конечно, их не били и не высмеивали, но осадок более чем неприятный. Гадостно. Фитоняше гадостно. Они же хотели как лучше. Может, пора хотеть как хуже? Наверное, тогда к ним добровольно поползут на коленях.

Теперь они действительно полноценные ЧМО.

– Просто они не нуждаются в нас. Здесь мы невостребованные. Надо выступать в каких-нибудь других местах, где народ угнетён по-настоящему, – лепечет Чмо.

Надо же. Ему стоило бы заткнуться и завесить это срамное событие пеленой из новых нормальных дней, а не лезть на рожон опять.

– Смешно, – фыркает Фитоняша. – Ты выглядишь жалким, когда бегаешь со своим добром в ладонях, которое никому на фиг не сдалось. Конечно, желаешь заняться благотворительностью, бескорыстный наш, но помогать уже некому. Всем уже помогли. Расслабься.

– Просто ты не посещала детские дома и тюрьмы. Больницы и диспансеры. Хосписы и коммуналки, – спорит Чмо.

Только Гот переставляет ноги молча. Под мышкой держит картонки. Все подмерзают. И стремятся назад. К Боли.

Резня

Признаться в сокровенном можно либо самому близкому, либо незнакомцу. Но чаще – коту. Гот усаживает чёрный сгусток Боли на грудь и стонет:

– Это уже традиция. Это уже закон. Куда я бы я ни пошёл – всюду презираемый изгой.

Почему-то слова, сказанные шёпотом, имеют больший вес. Большую глубину. Большую важность. И Гот шепчет. Его голос всё худеет. Кажется, чем тише сказано, тем призрачней и происшествие. Гот бы с удовольствием спрятал голову в песок, но его голову прятали только в унитаз. Точно так же макают кисточку в банку с водой.

Гота доканывает их убогое жилище. Нет посуды. Нет постельного белья. Казённые шторы удручают. Они рваные и напичканные порошком пыли. Прозрачно-коричневая плёнка. В комнате воняет кошачьей мочой. Благо это зловоние сбивает стойкий запах краски. Вместо лотка подрезанная коробка из-под обуви, обёрнутая полиэтиленом. Кошку пугает шуршание пакета.

Гота пугает жужжание принтера. Его старательные шипящие толчки. Словно гачи зимних лыжных штанов трутся друг о друга при ходьбе. И финальный журчащий выпуск бумаги. Мурашки по коже. Уже полчаса длится его жевание. Чудится, оно уже не прекратится никогда. Но вскоре маши-

на умолкает.

Гот выбирается из логова и наблюдает, как Чмо, приложив блокнот в качестве линейки, дербанит листок на части.

– Тебе всё мало? Никак не уймёшься? – больше утверждает, нежели спрашивает Гот.

– Я напечатал свои стихи. Рассеем их по почтовым ящикам? Такое распространение не столь энергозатратное, зато более индивидуальное! – улыбается мальчик.

– Занимайся этим один. Я пас, – отступает длинноволосый парень.

– Хорошо. Не буду тебя заставлять, – не возражает Чмо, мучаясь с размножением записок.

– Удачи, – совсем не искренне желает Гот, возвращаясь в мастерскую.

Оглядывает армию полотен. Уже давно он потерял надежду обрамить их достойными рамами в стиле старинного замка. Винтажные рамки никогда не окружат, не оквадратят, не опрямоугольничат его картины. Его картины потерпели неудачу, и Гот отворачивается от них. Обвиняет. Не терпит их присутствия. Лучше всё забыть. Вытеснить из памяти. Подавить. Выбросить на помойку, как ненужный хлам. Только Гот радикальный малый. Он не церемонится с акриловыми ублоудками.

Он проходит на кухню и откапывает нож в раковине, который годится только для того, чтобы нарезать мягкое масло и намазывать его на хлеб. Разглаживать ровным слоем.

Ничего. Картины тоже неплохо колет. Гот втыкает столовый прибор в нарисованных вандалов. Лезвие тупо тычется, скребётся едва-едва, но всё же полосует, разрезает краски, дырявит холсты. Гот сожалеет заранее, но не может остановиться. Он понимает, что горячится, и сердце обливается кипятком, а не кровью, но кто-то внутри него, кто-то жестокий, но справедливый наказывает Гота. Кто-то твёрдо гнёт свою линию, не щадит несчастного художника. Уже и глаза мокрые, как безе.

Всё испорчено. Невозвратимо. Гот с жалостью глядит на Боль, которая скукоживается у двери.

Гот в отчаянии ныряет под колючее одеяло с головой. Это весь его дайвинг. Гот Архимедом плещется в этом море. И тонет.

Не валентинки

Чмо набрасывает шкурку почтальончика. Или курьерчика. Или кого там ещё. Чмо бегаёт из домика в домик и кормит почтовые ящики записульками. Приходится ждать, конечно, пока кто-то выйдет или зайдёт, чтобы проникнуть внутрь. Чмо пробовал позвонить по домофончику, но его посылали на мужскую писю. И теперь Чмо ждёт, пока кто-то выйдет из домика.

В подъезд заходит девушка в бежевом пальто. Опрятная ухоженная девушка. Чмо спешит за ней. Проникает внутрь. Рассыпает записки по адресатам.

– Что вы делаете? – интересуется девушка в бежевом, подозревая подвох.

– Да так, пустяки. Открытки раскладываю, – объясняется Чмо и протягивает ей одну «визитку».

– Спасибо, – вынужденно благодарит она и пробегает взглядом по тексту. Быстро пробегает. Прямо-таки марафонец. – И какой у этого всего смысл? – у девушки суховатый голос, совсем не такой, как у Чмо. И каре у неё уложено ровно.

– Хочу заставить людей улыбнуться, – смущается Чмо.

– И как? Удаётся? – шурится она.

– Пока нет, но у меня есть одна полезная привычка. Когда у меня что-то не получается, я пробую ещё раз, – признаётся

мальчишка в своей кофте, покрытой катышками.

– Бывают ситуации, когда второго шанса не предоставляется, – замечает подъездная собеседница.

– Бывают ситуации, когда его не замечают. Или просто не хотят замечать. Ленятся или ставят на себе крестик, – парирует Чмо.

Девчушка и впрямь примеряет улыбку, уже поднимаясь по лестнице. На душе Чмо делается светло и ясно. Он на верном пути. К смерти.

Муха

Фитоняша с грустью хлебает бульон, в котором плавают макароны «паутинка яичная». Фитоняша беспокоится за свою форму. Уменьшается продолжительность её репетиций. Мышцы противятся. Фитоняше тесно в их теремке. Фитоняше больно, что ей негде выступить. Фитоняше грустно, что у неё нет яркого гардероба и косметики. Фитоняшу терзают лишения. Фитоняшу злит Чмо, которого становится слишком много. Который везде. Он словно стремится стать главным героем не только в своей, но в их с Готом жизнях. Это возмутительно. Это раздражает. Душный чопорный диктатор.

Некогда девушка двигалась, как шарнирная кукла. Мерцала в хаус-музыке и метала молнии энергии. Но потом она познакомилась с Фотоняшей.

Боль трётся о женскую голень. Лижет кожу, выпрашивая есть. Язык её шершавый, словно пилка для ногтей. Но Фитоняше нечего предложить. Всё, что есть – это паутинка яичная в пресном бульоне. Такое чувство, что скоро у Фитоняши случится вынужденная анорексия. Девушка почти в отчаянии. Неясно, откуда в ней взялось столько усталости и безнадёги. После чего они всплыли на поверхность? Что послужило спусковым крючком? Холодный приём на улице? Предательство Гота, разорвавшего её чувства? Трудно ре-

шить. И то, и другое.

Фитоняша мечтает свалить из социальной хаты и обрести независимость. Выбраться из ямы для отбросов общества. Яма эта, как братская могила. Безымянные живые трупы. Обречённые на лишения. Фитоняша не готова складывать руки. Но как ей пробиться к свету?

Побег из гото- и фитошенка

Гота отравляют разнесённые в пух и хлам плакаты. Он разочарован в своём художественном мастерстве. Всё, что он создаёт – беспонтовая и бесполезная херня.

Вскоре возвращается Чмо. Щёки и нос его красные, словно строки. Мальчишка сбрасывает кеды и без стука вваливается к Готу. Пылает энтузиазмом, но, завидев мёртвые произведения искусства, чуть не падает в обморок.

– Что ты натворил?! Это же вандализм! Это преступление! Ты не имеешь права! Я думал, что мы заодно, а ты ведёшь себя как слабак! Эгоист! – моментально схватывается он.

И слёзы срываються, точно наркоманы. Готу жалко, что его глаза не застыли от холода, не превратились в лёд. Гот обессточен.

– Не посыпай мне голову пеплом, – сипит он.

– Будь добр нести ответственность! – как девчонка, голосит юноша.

– Это мои картины! И я сам решаю, отправлять их в утиль или вешать на гвоздик! – оправдывается Гот.

– Но ты ведь знаешь, как священно я отношусь к искусству! Знай, что ты не картины порвал, а мою душу! Включь! – шмыгает.

Гот искренне недоумевает, почему Чмо так задевают его

поступки. Гот чувствует себя глубоко порочным человеком. Вначале порвал любовь Фитоняши. Теперь душу Чмо. И это при том, что в его намерениях не было и семени злого умысла.

– Заткнись! – лопается терпение Гота. – Пойми, что я не мог оставить их в живых! Просто не мог! Я страдаю! Мне плохо! Пойми, что я творю не ради культуры, а ради себя! Но это не просто терапевтическая сублимация! Это восстание из пепла! Я мечтаю добиться высот, чтобы показать, чего стою! Чтобы меня заметили! Чтобы обо мне ещё узнали. Чтобы гордились, что мочились в тот же писсуар, что и я! – кричит Гот. – А выходит, что я не стою ничего. Какими бы выразительными ни были картины, никто их не поймёт. Никто меня не оценит. Я не нужен миру.

– О, Гот... – сочувственно смаргивает Чмо. – Ты хорошо пишешь. Но, видишь ли, любой славы тебе будет мало. К горизонту нельзя приблизиться. Любой компенсации будет недостаточно.

– Спасибо. Я не нуждаюсь в психиатре, – отрезает Гот. Он не заказывал анализ своих суждений.

– Почему ты всегда меня гонишь? – старается перевести стрелки Чмо. – У меня такое чувство, что вы только и желаете избавиться от меня! Думаешь, это не ощущается? Ан нет! Я догадываюсь, как вы жаждете от меня отделаться! От сопляка, которого слишком много. От навязчивого болтуна. Может быть, мне действительно сгинуть в этом нерадивом

городе, чтобы вас подкосило моё отсутствие? – прибеждается.

– Мы тебе не мама с папой. Мы тебе ничего не должны. И нам всё равно, рядом ты или нет. Не такой особенный, чтобы тратить на тебя внимание и заботиться о том, чтобы от тебя отделаться. Не возомни о себе слишком многое. Самомнение людей не красит, – нарочито больно делает Гот. Жалит. И внутри торжествует подлость.

– Ах так!.. Ах так! – теряется Чмо, оглядываясь по сторонам. Видно: мальчишка хочет уколоть в ответ, да в его руках нет оружия. Поскольку равнодушного невозможно подбить ни ответным пренебрежением, ни гадостью. Как Чмо ни распнётся, он не затронет Гота. Тем не менее он произносит: – Тогда я уйду!

Блудный сын

Чмо слишком самоуверенный. Чмо наматывает слёзки на кулачок. Чмо боится оказаться пустословиком. Боится не подтвердить свою горячность. Импульсивность. Твёрдость решений. Поэтому он выбегает за дверку в холодных, как сердечко Гота, кедах на такую же холодную улицу.

Серьёзное небо готово превратиться в тяжёлую мокрую тряпку. Но Чмо нарочито не спешит остывать. Он рвётся на волю. И чем быстрее, тем он несчастней, тем его поступок громче, тем его рана кровавей. Чмо топчет асфальт, заворачивает в скромные дворики, от которых остались одни заброшенные поля с турниками. Кое-где уже лежит снег, и трава похожа на укроп в крошке.

Когда на глазоньки Чмо попадают золотые груди куполов, он думает остановиться и заглянуть в церквушку, дабы отметить свою брошенность и ненужность. Подтвердить свою беспризорность. Но тихие пустые залы требуют некой медлительности и спокойствия ума, и Чмо не решается заглянуть помолиться Боженке, да и молиться ему особенно не за что. И неловко – своими словами. Поэтому Чмо избегает Боженки.

Постепенно Чмо замедляется. Потому что перед ним расплывается маршрутик. Нет чёткой пунктирной линии и крестика в конце. Чмо неловко возвращаться домой и призна-

вать свою нелепость, несамостоятельность. Лучше побыть аскетиком пару дней и дожидаться, когда за ним явятся друзья и вернут его в квартиру на мягкий матрасик.

У Чмо нет никаких средств для автономного существования. Ни документиков, ни кушаний, ни водички, ни блокнотика с карандашиком. Только тонкая одежда и пара свёрнутых купюр номиналом в пятьдесят рублей. Чмо робко заходит в минимаркет, где покупает бутылочку аквы, пару шоколадок и булочку. Несёт провизию в ручках. Неудобно нести. И со стороны, наверное, он производит впечатление дурочка. Но всё это не имеет значения. Чмо садится в автобус, покупает билетик, такой же несчастливый, как он сам. Для везения не хватает всего одной единички, и оттого билетик особенно зловещ. Он словно насмехается над ним. Последние денежки спущены, и теперь можно только ехать вперёд, ни о чём не думая. До самого конца.

Небо покрывается синяками. Вечерняя прохлада вместе с сердечком колотится внутри, и в груди Чмо что-то дрожит, трясётся, словно в зоне турбулентности. Зубки не клацают, но в горлышке непроглоченный сгусток вибрации. Чмо жалко самого себя, бедного мальчика, кинутого всеми.

Вскоре тьма становится почти осязаемой, настолько вязкой и густой, что её можно резать ножом, как чизкейк, политый шоколадным глянцем. Только фонари спасают от абсолютной слепоты. Но фонари эти заманчиво опасны, словно лампочки удильщиков на океанском дне. Одно невер-

ное движение, и невидимое чудовище сцапает тебя и утащит в водоворот событий. Вдалеке гудит дорога, мерцает бледно-жёлтыми огнями фар. Лампочки дорожной гирлянды вспыхивают и тут же теряются в призрачной дали.

Чмо протыкает ноготками плёнку, в которой завернута сдоба, и медленно откусывает мякиш. Жуёт, не чувствуя вкуса. Запивает, чтобы не всухомятку. После трапезы предстоит решить, где скоротать ночь: на лавчонке или в подъезде с претензией на отопление. Поскольку Чмо всё-таки относится к Человеку Разумному, он успевает забежать в согретое изнутри здание. Там он минует пару лестничных пролётов. Ступеньки покатые и сырые. Чмо садится у стенки цвета вен. Попе твёрдо и всё ещё холодно, порой раздаётся гудение лифта, свет то гаснет, то загорается вновь.

Вначале мальчик озирается по сторонам, боясь, что его заметят и выгонят вон, но вскоре понимает, что такой угрозы нет, успокаивается, запихивает руки в карманы, где податливо чавкают растопленные шоколадки, и пытается склеить обрывки снов в сплошную ватную дрёму. Но огрызки сновидений то выбрасывают его обратно в реальность, то крупной рассыпаются в затылке.

Прятки

Фитоняша устраивает кастинг каждому движению. Она ставит хореографию, стараясь, чтобы танец не походил на импровизацию. Чтобы он был оригинальным и значимым. Чтобы нёс смысл. Не должно быть лишних вращений, декоративных взмахов и прочего мусора. Танец должен быть рациональным, а каждая поза – оправданной и понятной.

Её отвлекает очередная ссора двух олухов. Почему они просто не могут оставить друг друга в покое? Зачем лезть друг другу в трусы? На этот раз склока заканчивается тем, что Чмо хлопает дверью. Не просто хлопает – аплодирует. Девушку бесит его мнительность. Сколько можно выпячивать себя? Свалил – пусть и уматывает, она точно не станет его возвращать.

– Да ради бога! – вдогонку кричит Гот. – Проваливай!

Фитоняша увеличивает громкость музыки, чтобы изолироваться от происходящего, но весь творческий настрой уже сбит. Никто не захочет уплетать вкусный торт, когда именинник внезапно для всех вышагивает из окна. Никто не захочет заниматься сексом, когда узнаёт, что сопостельник тебе изменяет.

Вот и Фитоняша скисает. Поникшая, вырубает надоевшую мелодию и подходит к Фотоняше. Жалуется ей на свою участь.

Девчонки болтают до позднего вечера, пока их пижамную вечеринку не нарушает крысоволосый парень с Болью на руках.

– Уже смеркалось. Что-то мне волнительно за него, – извиняющимся тоном говорит он.

– Не маленький. Нечего реагировать на его психи, – твёрдо решает Фитоняша.

Тем временем Боль пикирует на пол и с любопытством обнюхивает иконостас...

...Ночью Фитоняше тревожно. Ощущение проблемы комкает воздух и наваливается на грудь, не позволяя расслабиться. Совестно щеголять во снах, когда твой почти друг – или кто-то вроде друга – бредёт в потёмках. Оказывается, совесть просыпается тогда, когда ей снятся кошмары. Кошмары, в которых Чмо сбивают автомобили, в которых он теряется и исчезает навсегда.

Но разве не об этом девушка мечтала? Разве её не отягощал этот наивный ребёнок? Неужели всё дело в привычке и негласной ответственности? Фитоняша вынимает Фитоняшу из-под подушки и с наслаждением отмечает её сочность. Но наслаждение это ограничено, сжато, словно оно непозволительно. И любитесь Фитоняша украдкой, будто совершает преступление.

На следующее утро они с Готом отправляются прошаривать улицы и опрашивать прохожих – увы, без фотографий, что, в общем-то странно и дико, когда у них дома куда не

глянь найдётся фотокарточка. Фитоняшу опять жалит чувство вины, как будто её тыкнули носом в свой эгоизм. В свою самовлюблённость.

– Вы не встречали парня, который читал стихи? – рассеянно спрашивает Гот.

– Какие стихи, дубина? – шпыняет его Фитоняша. – Думаешь, в таком состоянии он стал бы ораторствовать?

– Ты права, – с грустью оседает Гот. Ему приходится скорректировать список вопросов, и теперь его интересуется преимущественно одежда и внешность. – Светло-русые кудри, не слишком высокого роста, – бормочет Гот, но проплывающие мимо люди лениво ворочают головами, даже не желая покопаться в памяти и сверить портрет.

Парочка весь день бегаёт по дворам, лазает по окрестным местам и вылизывает город, но не берёт след. Никто не видел Чмо. Потому что ангелов не видят.

Разочарованные и уставшие, на одной силе воли движутся домой, где их ждёт одна Боль. Чёрная и голодная.

– Мне кажется, что он ушёл из-за меня, – внезапно сообщает Гот в прихожей. – Он столько раз ластился ко мне, так искал моего расположения, а я мнил себя слишком занятым и поглощённым собой, чтобы тратить время на назойливого сопляка. Наверное, это было слишком обидно и небрежно, – вздыхает.

– Слушай, ты ничем ему не обязан. Ты ему не отец, чтобы беречь его хрупкую душу, – резонно утешает его Фитоняша,

хотя ещё вчера сама посыпала голову пеплом.

– Знаешь, этот грёбанный квест похож на детскую игру в прятки! Там ещё вожатый повторяет всё время, заканчивая считать «Кто не спрятался, я ни виноват». А если спрятался? Значит ли это, что я виновен? – терзается Гот. Видно, что эту лирическое сравнение он вынашивает не первый час.

– Ерунда! И вообще, думала, ты не любишь пафос. Куда подевалась твоя циничность? Из-за этого малолетки мы весь день угробили на поиски! Не хватает только карты сокровищ! Между прочим, о нас этот слюнтяй даже не подумал! Что мы будем метаться и дёргаться. Он даже телефона не взял, и как нам с ним связаться? Тоже мне бедняжка! – раззадоривается девушка. Гневаться всегда легче, чем обтекать страхом и сожалением.

– В чём-то ты, конечно, права, но ведь нельзя от него отмахнуться просто так. Это ведь не игрушка. И не учёба. А человек. Живой человек! – Гот уже вытирает стену спиной, съезжая на пол.

– Ну, не факт, что ещё живой... – незримой булавкой колет его Фитоняша.

– Издеваешься? – поднимает голову Гот.

– А чего я сюсюкаюсь с тобой? Я, между прочим, отлично понимаю, чего не выдержал мальчишка. Подозреваю, ещё недолго – и я свинчу бог знает куда! Потому что твоя зараза на всех нас расплзается! Только твои чувства уважительны! А наши несерьёзные чувствешки, будь то любовь или

жажда признания, слишком мелки для тебя! Ты лишний раз упьёшься превосходством, чем войдёшь в положение и попытаешься понять! – заведённая, танцовщица не может остановить потоки слов, которые нельзя удержать ни одной гидроэлектростанцией. Любую плотину сметёт, как щепку.

Несчастный Гот морщится и хватается за уши. От напряжения вены его надуваются, напоминая нитки тампонов. Следующая лавина упреков смывает его, и слабый представитель мужского пола уползает в свою комнату с Болью, зажатой под мышкой.

Обида

Когда с момента исчезновения Чмо минует неделя, Гот впервые пишет реалистичный портрет. По крайней мере, пробует написать, так как никаких других изображений после себя Чмо не оставил. После него сохранились только стихи, упакованные в блокнот, точно вещи в коробки, пыльный Матвейка и коллаж из стикеров «Love is...», на которых написано:

«Любовь это... быть далеко, но мысленно рядом».

Или:

«Любовь... это преодолевать ваши различия».

Или:

«Любовь это... принимать друг друга со всеми недостатками».

Или:

«Любовь... это неспособность долго дуться».

Гот понимает, что он совершенно не умеет любить.

А ещё после себя Чмо оставил Боль. Вернее, он её подарил. Гот чешет пушистый подарок, подавляя желание свернуть ему шею, чтобы выместить свою злость на ком-то более слабом. Чтобы взбунтоваться и подтвердить свой протест. Мол, не нужен ему никакой подарок. Ему нужен Чмо. Но раз его нет, то пусть получает свой презент обратно. Пусть давится им и знает, что Гот не нуждается в его подношениях.

Бедная кошачья шкурка потрёпана, точно Боль только что выдернула свою голову из капкана. Пальцев.

Гот проводит рукой по ворсу медведя и зажмуривается, вспоминая, как когда-то – ещё недавно – всё было хорошо. Готу нетерпимо хочется отшлифовать прошлое. Если бы он только знал, что рухнет в неизвестность, то схватил бы Чмо за запястье и не отпустил.

А что если его уже и вправду нет в живых? Ему ведь некуда идти. По-хорошему следовало бы подать заявление о розыске в полицию, но предстоящая волокита удручает Гота, и он всё ещё надеется, что блудный сын явится или попадётся на глаза, когда Гот будет раздавать листовки с приглашениями вступить в секту.

Глупо. Вяло. Пассивно. Зато надежда теплится. И иллюзия бережётся.

Гот множит свой рисунок на принтере и увенчивает им столбы, объявления на которых никто никогда не читает...

...С каждым днём раздражение Гота возрастает в геометрической прогрессии. Разочаровываться в других, особенно в друзьях, больно. Пытаешься торговаться и всячески оправдывать предателя, чтобы его не ненавидеть. Но в конце концов сдаёшься. И ненавидишь. Терзания полностью сменяются праведной злостью.

Теперь парень соглашается с Фитоняшей, у которой этот процесс прошёл гораздо быстрее. Внутри рисовальщик пригревает глубокую обиду, и, если Чмо всё-таки вернётся, то

только за заслуженной мезтью. Гот бросает поиски.

Гордость

Чмо просыпается от того, что чьи-то пальцы, словно клыки, впиваются в его плечико. Встрепенувшись, парнишка разувает глазки, и глазки наталкиваются на худющую брюнетку, чьи чёрные с золотыми вкраплениями ногти не короче самих пальцев, которые, в придачу ко всему, утяжелены громоздкими перстнями. На голове пышный абажур кудряшек, которые пружинками окружают шею. Одета незнакомка в ярко-жёлтый плащ с широким ремнём, на котором поблёскивает пряжка в виде черепа.

– Малы-ы-ыш, что ты делаешь под моей дверью? – ахает она тягучим жеманным голосом.

Голос липкий, как клейкая лента, который словно путает и вяжет тебя. Если его изобразить в виде линии, то полоска получится толстой и выпуклой.

– Прошу прощения, – пищит Чмо, пытаюсь понять, как растопить окоченевшие ноги. Подогнутые, они никак не желают разгибаться.

– О, так ты вроде тре-е-езвый, – искренне удивляется гнусава. – Я уж было подумала, что ты какой-нибудь нарком-а-а-ан.

– Нет, просто я не знал, где мне переночевать, вот и забрёл сюда. Извините ещё раз, – оправдывается Чмо, решая расколдовать вначале руки, покрытые застывшим шоколадом.

– Так ты бездо-о-омный? – мычит жирно накрашенная да-
ма.

– Что-то типа того, – смущается он, и на его щеках маги-
ческим образом тоже появляются румянец.

– Бедня-я-яга, – тянет собеседница, должно быть, сообра-
жая, нести ли найдёныша в бюро находок.

Но, наверное, добрая тётя принимает мальчишку за под-
кидыша и потому любезно отмыкает дверь. Связка ключей
обильно украшена брелоками, так что пучок безделушек
правильнее назвать брелоки с ключами, нежели ключи с бре-
локами. Пушистые хвосты, блестящие алмазами кресты, ма-
линовые губы и прочая дребедень трясётся с каждым пово-
ротом.

– Тогда проходи ко мне. Отогреешься хотя бы и поешь
чего-нибудь, – не предлагает, а, скорее, заставляет хозяйка.

И Чмо, отчего-то ощущая себя нашкодившим, почти на
четвереньках пробирается на порог. Там он поднимает се-
бя на ходули, негнуцимися пальцами пытается расстегнуть
ветровку.

– Ох, малыш, я бы тебе помогла, но у меня, – выдержива-
ет паузу, – но-о-огти, – поднимает свои когти вверх, как бы
оправдываясь.

Губы её, черешневые, как у кукляшки «Bratz», поджима-
ются, а брови жалостливо тянутся друг к дружке. Наконец,
Чмо справляется с замочком, распутывает шнурки кед и рас-
терянно следует за проводницей.

– Вот здесь ванная. Можешь погреться, – указывает на дверь с жуткой надписью «кап-кап» вожатая.

– Мне неловко, – зачем-то встревает Чмо, и его слова звучат, как жалоба.

– Что ты?! Всё для удобства го-о-остя! – приторно восклицает экскурсовод. – Поверь, душка, меня совершенно нечего стесняться, – кривляется брюнетка, запихивая Чмо в «кап-кап». – Славно поплавать тебе! – зловеще желает женщина, втыкая синевую затычку в слив и врубая настолько горячую воду, что она превращается в пар, не успев достигнуть дна.

Вскоре ванная наполняется жидким паром, и гостеприимная женщина как по волшебству достаёт бело-розовую бомбочку. Острием ногтя распарывает сферу и бросает содовый шар в домашний гейзер. Шар тут же начинает бешено вращаться, растворяясь, как таблетка «АЦЦ», и окрашивая воду в цвет малинового киселя. Вскоре он нисходит до крохотной пилули, всплывает вверх и распадается до конца.

– Так-то. Полезай, – довольно обтряхивает ладони от невидимого талька скуластая почти красотка.

Чмо сконфуженно стягивает водолазку, несмотря на то, что как раз собирается лезть в воду. Оставшись голышом, забирается в кафельную скорлупку. И только погрузившись в кипяток, парнишка понимает, как замёрз и как нуждается в душе. Скрепя зубами, думает, что черти варятся примерно в таком же бульоне.

Уже через несколько минут пульс его учащается, удушли-

вая жара вскруживает голову, и мальчик заставляет себя не засиживаться, чтобы сохранить последние крохи приличия, но если первое впечатление, какое произвела девушка, верно, то Чмо лучше поплескаться подольше, желательно заливая пол и поднимая смерч пара.

Когда Чмо выкарабкивается на коврик – мха? – дверь отворяется, и внутрь просачивается кисть и часть локтя, на котором сверкает целый рукав браслетов.

– Я приготовила чистые шмо-о-тки для тебя. Выбрала самые подходящие, – уведомляет заботливая пятипалая конечность, после чего прижимает комплект из малиновых штанов и леопардовой блузы к его груди.

– Эм... спасибо, – криво улыбается он, придирчиво рассматривая яркие тряпки, отчего начинает дёргаться глазик.

Чмо буквально на физическом уровне испытывает отторжение, но другого выхода не остаётся, и он облачается в вульгарный наряд. Блузка оказывается даже велика, а лосины, если бы не были растянуты до безобразия, пришлись бы в пору. Некоторое время Чмо стоит, не решаясь покинуть заведение «кап-кап», но потом собирается с духом и робко выковыривает себя наружу.

– Загляденье! – причмокивает брюнетка, разглядывая его, как платье, висящее на плечиках. Только сейчас Чмо отмечает, что его помощница выше его на полторы головы. – Тебе очень идёт! – любитесь она.

– Правда? Спасибо, – вяло соглашается Чмо.

– Спасибо скажешь, когда пое-е-ешь, – мило улыбается бестия, которая умудряется находиться сразу везде.

В следующую секунду когтистая лапа тащит голодного мальчика за стол. В тарелке, слава богу, нет экзотических ухищрений. Обычное подпалённое мясо и картошка с корочкой угольного цвета. Чмо ест, скорее, со страхом, нежели с аппетитом, что, в общем-то, только ускоряет процесс. Кудрявая брюнетка сидит напротив, положив подбородок на сцепленные кисти рук.

– Спасибо, – благодарит Чмо, не проглотив, разве что, кость.

– Чудесно! А теперь расскажи-ка о себе, душка, – участливо интересуется визави.

– Ну, – не зная, куда положить взгляд, начинает мальчишка. – Я пишу стихи и... и... ну, наверное, всё...

– Стихи-и-и! Как интересно! Мне ещё не доводилось встречать бродяг, пишущих стихи! Как же тебя угораздило? – искренне хлопает накладными ресницами любознательная личность.

Отчего-то Чмо хочется провалиться сквозь стул, пол, землю и всё, что под землёй. Срамная одежда, предложенный завтрак-обед, кухня с чёрными шторами и посудой...

– Я поссорился с друзьями, – начинает Чмо.

– Друзья-я-ями? – зачем-то переспрашивает мадам. – У тебя есть... кхем, были друзья? – исправляется она.

– Да, мы жили в одной квартире, чтобы сосуществовать,

но они не ценили меня, и я ушёл, – коротко пересказывает Чмо, после чего следует закономерное и вяжущее «О-оу». Протяжное. Объёмное.

– Как это гнусно с их стороны! – хмурится женщина, и от её недовольного вида пробегают мурашки.

– Ну, а вы... чем занимаетесь? – сводит тему Чмо, заодно проверяя, правильно ли он обращается к этой инопланетянке.

– Я? Гадаю, – скромно выпячивает грудь вперёд гадалка. – На смайликах, музыке, сердцебиении, ушной сере, крови, лобковых волосах и срезанных ногтях, – поспешно добавляет.

От перечня материала, с которым она работает, Чмо чуть ли не лишается съеденного завтрака-обеда.

– Ого! – только и выдавливает он, усиливая глотательный рефлекс, чтобы затолкать поднявшуюся по горлу пищу обратно вниз.

– Хочешь, тебе погадаю? – пробуждается профессиональный интерес.

– Я и так многим обязан, да и вообще ещё не готов узнать свою судьбу. Я её это... побаиваюсь, что ли, – спасается Чмо.

– Понимаю, душка. Но когда-нибудь ты решишься, – «утешает» его ворожея.

– Угу, – почти шарахается Чмо, после чего проклёвывается молчание, и чета безмолвно сидит друг напротив друга. Чмо ёрзает от неудобства и встаёт, чтобы отнести тарелку в

раковину, однако лосины уж слишком подчёркивают непристойные выпуклости. – Ах, я бы сама помыла, но, понимаешь, у меня же... но-о-огти, – опять вздыхает бестия. Чмо моет за собой посуду, пока она продолжает сказ: – Раз ты остался без крыши над голово-о-ой, то живи у меня. Будешь помогать с уборкой, обучишься гаданию... И вообще, я запрещаю тебе возвращаться! Это будет слишком унижительно. Ты должен знать себе цену. Твоё возвращение будет названо «приполз на коленях», а тебе зачем их самодовольная победа? Тем более когда я готова обеспечить тебе жизнь в достатке, душка.

Если честно, Чмо не желает оставаться в этой вульгарной квартире и связывать себя долгом перед колдуньей, но ещё сильнее ему претит возвращение к Готу и Фитоняше, поэтому он любезно принимает продолжение, подспудно боясь расплаты.

Курчавая ведьма заводит его в зал с мебелью сигнально-красного цвета. Жёсткий диван стоит посреди стены, по бокам от него торшеры. На тумбе валяются бусы из сушёного граната. В углу одиноко лежит кирпич. Шторы похожи на стекающую по стенам кровь. Чмо шарахается от агрессивности комнаты, но хозяйка сообщает, что теперь она принадлежит ему.

«Но ведь в ней совершенно невозможно сочинять! – мысленно восклицает Чмо, – и нет Матвейки...»

– Зачем ты хранишь кирпич? – задаёт один из многочис-

ленных вопросов, которые пронизывают его своими крюками, как рыбу.

– А, это для самозащиты. Вместо перцового баллончика, – отмахивается женщина с до сих пор неизвестным именем.

Но оно не имеет значения. Потому что Чмо удерживает вовсе не она. Его удерживает Гордость. Которая ни за что не отстанет просто так. Ни за что не отпустит. И не отвяжется, пока не дождётся просьб и молений о возвращении.

Искусство как изврат

Гот стоит на своём участке, раздаёт буклеты. Эта секта уже мозолит ему обведённые чёрным очи, и он решает хотя бы поверхностно оценить её суть. Какой-то духовный учитель призывает к тишине, спасающей от конца света. Ничего нового. Гот даже возмущается тем, что является посредником между религиозным бредом и людьми. Почему бы ему не проталкивать свою идею? После ухода Чмо у него сложилось целое представление об искусстве и о том, как его правильно понимать.

Гот бросает лакированные листовки в железный мешок уличной урны и возвращается в родной хаос. Там кутается в растянутый кардиган, потом находит блокнот с эскизами, ещё потоннее – свободные страницы, не занятые формами рта, и пишет:

«В эпоху постмодерна, когда общество устаёт от традиционных форм и взглядов, а молодёжь стремится выделиться из толпы, заявить о себе, приходится сталкиваться с довольно смелыми, яркими и сомнительными “произведениями искусства”. Чтобы быть оригинальной, богема вынуждена изощряться и выходить из положения хитрыми причудливыми способами. И возникает вопрос: где, собственно, искусство, а где извращённые элементы пустого шоу? Как вообще соотносимы искусство и изврат? Можно ли изврат всегда на-

зывать искусством? Могут ли любые проявления искусства считаться извратом? Или только определённые новаторские идеи перегибают палку и переходят грань возвышенного?

Итак, чтобы ответить на эти вопросы, вначале дадим определения “искусству” и “извращению”.

Искусство – это форма творчества, способ духовной самореализации человека посредством чувственно выразительных средств: звука, пластики тела, рисунка, слова, цвета, природного материала и так далее.

Получается, что искусство – это всегда сублимация, выплёскивание эмоций, отражение своей души, выражения впечатлений. То есть искусство – понятие эмпирическое. Если следовать этому определению, то техника и качество произведения не имеют значения. Но разве можно назвать обилие зарифмованных матов – выражение чувств через слово – искусством? По-моему, нет.

Извращение – (лат. *perversio* “переворачивание”) в высшей степени неестественное поведение, полное искажение, уход от нормы, постановка “с ног на голову” (Толковый словарь Ожегова).

Фактически, извращение не противоречит искусству. Одно понятие не исключает другое и, более того, искусство даже предполагает извращение. Искусство способствует мыслить нестандартно. “Ставить пощёчину общественному вкусу”. Но бывает и следующая ситуация – изврат искусства.

Это уже интересней. Как же можно извратить созидатель-

ное, высокое и зачастую даже терапевтическое? Разрушением? Вандализмом? Но ведь и в этом присутствует эмоциональная вспышка, эффект, творение хаоса. Тогда, предположим, нравственное обеднение. Полный распад личности. Духовную слепоту. В такой ситуации на искусство не остаётся и намёка, но намёка не остаётся и на извращение. Уничтожены оба полюса.

Так существует ли граница, за которой искусство превращается в вульгарность и безвкусицу? Есть ли потолок? По моему, искусство – это прямая, которой нет конца. Искусство вольно принимать любые формы. Нет строгого контроля, нет чёткой границы между искусством и извращением. Более того, искусство всегда есть извращение. Но извращение не всегда искусство. Извращение как бы вмещает искусство в себя. Даже горящее здание с выпрыгивающими оттуда людьми будет живым искусством. Оно будет называться “Крики” или “Шашлыки”, и всякий признает, что идея – огонь...»

Гот писал бы хоть до возвращения Чмо, но запястье сводит, и он откладывает писчий предмет. В нём появляется твёрдое намерение положить начало течению мысли «Искусство как изврат». Притянуть приверженцев, прополоскать им мозги и наконец вживить в них тот факт, что степень изошрённости является единственным критерием шедевральности.

Чем извращённей творец, тем он гениальней.

Жизнь как искусство

Пол-лица Гордости измазано горчицей, но она считает, что её веки покрывают тени цвета шотландского виски.

Пол-лица Чмо обсыпано сиреневыми блёстками, но Гордость называет это пылью фей. Щёки и лоб Чмо измазаны хайлайтером так, словно он представлен через линзу фотошопа – сияющий и свежий. Чмо приходится мириться с порядками и жить на правах Белоснежки. А ещё писать стихи-заклинания. Стихи-заговоры. К примеру, наговор на водку в качестве лечения от алкоголизма звучит как:

«По усам текло,

Я почти оглох.

В рот ни попало,

Здоровье настало».

Заговор перед едой для похудения как:

«Крошки целебные,

Вы похудебные,

Очень стройнебные,

Словом, волшебные!»

Приворотное зелье, которое является классическим и обязательным в обиходе колдуньи, как:

«Полюби прекрасны губышки,

Полюби прясны глазоньки,

Полюби пречёрны власушки,

Полюби предобро сердушко».

Но как это грубо – использовать поэзию в бытовых коммерческих целях! Какое подавление, какая тоска! Чмо не может отдыхать в красной комнате. Он словно Дюймовочка в царстве Крота. Словно Маленький Мук в домике старухи. Чмо не может терпеть и созревает для того, чтобы выплюнуть своё мнение.

– Это не искусство! Не поэзия! – пискляво скандирует Чмо.

– Душка, будь умным мальчиком, – не отвлекаясь от обряда, произносит Гордость. – Ты сам определяешь, что есть искусство. Если назовёшь наши заклятия искусством, никто не посмеет возразить. Творец сам нарекает, что есть что.

Чмо признаёт мудрость суждений. Он и сам недавно распевал о том, что любые повседневные действия являются искусством. Отчего же его убеждения пошатнулись?

– Я не хочу производить фальшивки. И никого обманываю.

вать. У искусства совершенно другие функции. Оно преследует другие цели, – виляющим, словно машина пьяного водителя, почти срывающимся голосом возражает Чмо.

– Да? И какие же цели, – отрезок тишины, наполненной вошканьем, – преследует искусство? – поднимается остроугольное, похожее на вытянутую каплю лицо.

– Оно отрезвляет, выдёргивает из обыденности. Напоминает о скоротечности жизни, мимолётности дня. Оно шокирует, дарит духовное наслаждение...

– Избавь меня от общих фраз, – разочарованно отмахивается Гордость.

Насупившись и не найдясь с ответом, Чмо проскальзывает в красную, точно шапочка, комнату и пытается выцепить зародыш озарения. Он сосредоточенно пялится на воображаемый поплавок, готовый к моменту, когда идея, наконец, клюнет, и леска дёрнется. Чмо думал, что его осознание вспыхнет резко и отчётливо, но происходит оно медленно, плавно и почти без его участия.

Чмо располагает на тумбочке два одинаковых абсолютно белых листа – невинных, непорочных и не запятнанных. Берёт карандаш величиной с мизинчиковую батарейку и пачкает мягким грифелем центр бумаги. Только на одном листе он пишет слово «Искусство», а на втором «Не искусство». Встаёт. Смотрит на них со стороны. Понимает, что записи его верны. И вся соль в его выборе. По сути, изумляется Чмо, от творца требуется только решение. Но, подмечает он, толь-

ко вместе два листа производят эффект, заставляющий схватиться за щёки. Лишь вместе обладают силой. Лишь вместе позволяют себя оценить, лишь в сравнении постигается смысл.

Это простое открытие настолько потрясает Чмо, что он тупо таращится перед собой. Потом пробует применить этот закон к другим сферам жизни. Каждый выбирает, быть ему или не быть. Развиваться или закисать. Прощать или обижаться дальше...

– Я выбираю не писать. И это тоже является искусством. Отсутствие текста столь же значимо как его наличие. Я выбираю жить, и это тоже искусство. Я выбираю смерть, и это тоже искусство. Потому что Я. Так. Сказал.

...На следующий день Чмо прибирается в комнатах. Заправляет кровати и натывается на журнальчики с мятыми корешками и поднятыми, словно руки статуи Свободы, членятами. Хуята занимают каждую страничку, и Чмо делается дурно. Хуёнок, снятый крупным планом, исчерчен выпуклыми венами, хуёнок, запрокинутый, словно серп, мнётся под пальчиками Чмо. Целый хуище подстерегает его на следующем развороте. Полный лес рук статуй Свободы. Чмо со страхом и стыдом отбрасывает порнографию, но теперь её наличие мерещится везде.

– Душка, тебя привлекли мои журналы? – раздаётся липкое сопрано Гордости, и Чмо воспламеняется, точно лужица бензина. – Согласись, они занимательные? – как ни в чём не

бывало спрашивает женщина.

– Пожалуй. Мне они вообще случайно попались под руку, – заикается Чмо, глотая окончания слов, точно...

– Не смущайся мужской анатомии, душка, – глубже, чем надо, советует Гордость. Советует так, словно это только прелюдия, за которой последует важное откровение. – Лично я помешана на порно. И дня не могу продержаться без дозы пенисов. Была бы воля, отрастила на ком-нибудь целую связку... – заигрывающе хихикает.

Чмо нервно переключает взгляд на что-то максимально нейтральное, уносящее его из этой неудобной ситуации.

– ...Не пугайся, душка. Ты похож на девочку сильнее меня. А я ищу более сильного партнёра, рядом с которым чувствовала бы себя слабой и более женственной..

Чмо хочет её остановить, оградить себя от чужой истории, перестать слушать. У него же есть свобода и право не слушать. Почему ему высказывают то, о чём он предпочитает не знать?

– ...Ведь я на самом деле мужчина... – с интонацией пьяной шлюшки произносит Гордость.

И глазки Чмо, как профессиональные альпинисты, лезут на лоб. Взбираются на покатую гору. Оказывается, столько времени Чмо проживал с трансвеститом. Впрочем, он смутно догадывался об этом по растянутым лосинам и великим малиновым блузкам. Маскировка была настолько яркой, что выдавала скрываемое нутро.

– Ух ты... – только и выдает Чмо.

– Меня очень радует твоя толерантность. Твоё понимание. Твоя гибкость. Знаешь, я не люблю всех этих принципиальных гомофобов, – пускается в излишние пояснения переодетый в женщину мужчина.

– Спасибо, – почти мяукает Чмо.

– Я наблюдала за тобой. За твоими стихами. Они мне много чего шепнули о тебе. Я мило общалась с ними. Пока ты спал или снимал пенку с бульона. И так я тебя разгадала. Ты типа как прошёл мою личную проверку. Ты и вправду человек искусства. Представляешь, люди говорят, что не будут делать вид, будто трансвестизм – это творчество и всё такое... – продолжает сыпать снег на голову Гордость.

– Но я дрег-квин! Я – своё портфолио. Результат усилий и трансформаций. Я сама по себе арт-объект. Скульптура и скульптор сразу.

Чмо огорошен. Он даже не подозревал, что за ним вели тайную слежку, проверяли гипотезы, соотносили его убеждения со своими.

– ...Но твоя правда – не фальшивая. Говоришь, хочешь творить? Хочешь помогать людям? Грустишь, что тебя не слышат? Тогда, душка, я готова стать твоим рупором. Я помогу тебе с организацией акции «Жизнь как искусство» или с чем-то вроде этого, – предлагает она.

– Я не знал, что такой прозрачный, – чешется Чмо.

– Чепуха! Все люди просвечивают. Надо просто уметь

снимать с них макияж. Фантазировать. Прощупывать. Ладно. Не заморачивайся тонкостями психологии, – огромный жабий рот растягивается в улыбке.

– Гадаешь по такому же принципу? – разрешает себе усмехнуться Чмо.

– Ах, ты! – в шутку надувает кулаки Гордость.

– Забудь. И это... Спасибо тебе. За кров. За готовность помочь. Я и вправду был бы признателен за рупорство. Только мне нечего дать взамен. Для алхимии и баланса, и...

– Не беспокойся. Я и так отобрала у тебя друзей. Вернее, я украла тебя у них, – исправляется.

– Точно. То есть понятно. То есть, наверное, да. Так и есть, – бормочет Чмо, понимая, что сделка завершена, и он превращён в Мессию. В нового Иисусика Христосика. Только готов ли он повесить себя на крестик?

– Значит, договорились. Я буду заниматься рупорством, а ты поэтством, – тем временем подытоживает Гордость.

Часть 2

Пропагандист

Гот рассказывает о себе на Тик-Ток и собирает лайки, как ягоду или грибы. Гот говорит, что никого уже не пробуют изображения человеческих черепов и песочных часов. Это скучно. Оно протекает мимо, не задевая и не будоража. Чтобы хоть как-то воздействовать на зрителя, его надо накормить отвращением. Извратить что-то привычное и заурядное. Швырнуть ему под нос шмат гнилой плоти, вместо приторного крема с ореховой крошкой сунуть заплесневелое непонятно что и заставить это тщательно пережевать, проглотить и попробовать переварить. Судя по количеству лайков, с Готом согласны. У Гота собирается большая аудитория, которая караулит каждое новое видео. И Гот регулярно радуется своих маленьких вандалов-учеников. Он записывает лекции, ведёт уроки. Преподаёт теорию искусства разрушения.

– ...Я объявляю войну безопасному искусству! Все оправдания про сублимацию – блеф! Глупая отмазка, чтобы сидеть на заднице и никого не затрагивать. Чтобы влиять хоть на что-то, нужна радикальность... – автоматически произносит Гот, и сенсорное сердечко взрывается от беспрестан-

ных нажатий.

Зрители с удовольствием делают массаж сердца, пусть и крохотного, и плоского, и не умеющего любить. Сердца, совершенно непохожего на сердце.

– ... Чем греховней плод, тем жарче борьба за место за столом. Чем выше штраф, тем выше потребность устроить свалку в общественном месте. Но даже кучу мусора можно назвать искусством. Композиций. Скульптурой, напоминающей о гниении и смерти, – произносит Гот.

– Искусство неотделимо от извращения, – произносит Гот. Эта фраза – его девиз. Его лозунг. Его эпитафия.

И мелкие хулиганы ломают качели, разбойники похуже разбивают витрины, уверенные в себе творцы сжигают собственные дома. Юные Гоголи.

Гот становится очень влиятельным и популярным деятелем. Его речь аккуратно разрезают на цитаты, выписывают их в дневники, набивают татуировки под рёбрами и на запястьях.

«Искусство неотделимо от боли», – говорит чей-то бок.

«Прекрасное в изврате», – сообщает чья-то ключица.

Какой-то гравировщик высылаёт ему пару подвесок, которые можно соединить, приложив их друг к другу. На одном кулоне написано «Разрушение», на другом «Красота». На одном написано «Хаос», на другом «Совершенство». На одном написано «Бог», на другом «Богема». Все те антонимы, что внезапно стали синонимами.

Гота зовут в другие города, чтобы он мог дать публичное выступление. Организаторы подобных мероприятий не дают ему спать, потому что где-то в другом уголке мира вовсе не два часа ночи.

Готу предлагают проплатить аренду, чтобы он мог открыть свою галерею. Его готовы спонсировать бренды, продающие косметику или бытовую технику. Людям нравится его инициатива. Гота несколько не удивляет, что плакаты в духе «Я занималась вандализмом и умерла» не пользовались спросом. Людям охотней видеть «Я занималась вандализмом и стала свободной. Независимой. Брутальной». Что ж, Гот готов напоить их подобными афоризмами. У него их целая коллекция. Ему не жалко угостить каждого кусочком.

Теперь Готу не приходится втюхивать брошюры на улице. Теперь Готу не приходится питаться паутинкой яичной. Теперь Готу не приходится спать на полу. Теперь Гот покупает для Боли нормальный лоток и нормальные миски. Теперь он обеспечивает себя качественными материалами. И качественной косметикой. Он пишет повторный автопортрет. Тушью. Помадой. Тенями. У Гота очень богатая палитра.

Теперь Гот может позволить купить себе дорогой шампунь и бальзам-ополаскиватель. Купить мыло с ароматом розы и мёда. Заполнить холодильник морепродуктами. Гот считал, что ему нравится аскетический образ жизни, но у него просто не было выбора.

Гот переполняется верой в себя, в Богему, и решает самостоятельно разработать дизайн мебели, которой обставит комнату. Кровать в виде огромного разинутого рта. Шкаф в виде солидного гроба. Готу ещё нескоро наскучит его везение. Его богатство.

Фитоняша покупает стереосистему, колонки. С азартом примеряет одежду, как она пропела, подыскивая свой стиль. Теперь её выбор не зависит от скидок и распродаж.

– Как ты думаешь, когда нам станет скучно? – спрашивает его девушка в новых стрипах.

– Никогда, – механически отвечает Гот, рисуя тушью волосы. Крысиную шёрстку.

– Как ты думаешь, когда переизбыток вкуса убьёт вкус? – спрашивает его девушка, которая часом раньше осведомила, что на днях приедут устанавливать пилон.

– Ещё никогдашней, – уверенно решает Гот.

Это его успех. Заслуженная слава. Надо же им побыть на гребне волны. Раскинув руки, выплюнув крик, обнявшись с солнцем. Получив честно полученный витамин D.

– Как ты думаешь, когда случится передозировка вседозволенностью? – спрашивает девушка, выбрасывая просроченные листья салата.

– Она случается каждый день, – разворачивается к ней Гот.

После того как они свалили все грехи и обиды на Чмо, отношения наладились. Пошли в гору. Опытные альпинисты.

Всё осталось в прошлом.

Гот кутается в растянутый кардиган по привычке. Очень вредной привычке. Кардиган – его вторая кожа. Дополнительный защитный слой.

– Как ты думаешь, лучше надеть купальник жвачного или бордового цвета? – интересуется девушка.

Потом появляются цвета абрикосового джема и клюквенного киселя. Цвета черёмухи и черешни. Чернослива и кураги. Палитра Фитоняши тоже не является скромной.

Проповедник

– Города – это большие музеи. Весь мир – музей произведений искусств. Достаточно просто жить, чтобы творить. Можно писать четырёхстопным ямбом, можно увлекаться дольниками или искать новые ритмы, как Маяковский, который ходил по улицам, мыча в такт шагам. Всё это зависит от выбора поэта. Но есть ещё один, куда более важный выбор и куда более важный ритм. И зовётся он сердцебиением. Действительно, лучше этого ни один поэт ничего больше не сможет создать, потому что жизнь выше любых слов. Жизнь сама по себе и является высшей формой искусства. Жизнь – поэзия, и стук сердца – её ритм, – толкает речь Чмо.

Его заботливый трансвестит транслирует его слова своим клиентам, и у Чмо скапливаются приверженцы. Как проценты в банке. Как болячки к старости.

Чмо начинает получать письма, в которых неизвестные анонимы признаются в том, что отrekliсь от идеи самоубийства. Что они смогли себя полюбить.

«Вы пожалели меня, и я почувствовала, что не одна. Что кто-то любит меня. Именно меня. Поняла, что не хочу заниматься вандализмом, щипать бока, резать руки и опускать голову в аквариум. Что я совершенна», – читает Чмо со слезкой в краешке глазика.

«Ваши строки “Умираешь – умирай, возраждаючи” по-

могли сбалансировать на грани. Поддержали в момент отчаяния. Спасибо. Вы не стихи сочинили, вы написали продолжение моей жизни», – читает Чмо с другой слёзкой в краешке другого глазика.

Это что-то вроде записок от поклонниц. Словно школьные признания в любви. С той лишь разницей, что в этом ему признаётся целый мир. И тот факт, что Чмо в силах убедить хоть кого-то, заряжает его смыслом. Эти письма – его топливо. Способное запустить вечный двигатель. Чмо взращивает в себе новые стихи. Чмо – инкубатор стихов.

– Со мной опять случилось вдохновение, – усердно высывает язычок Чмо.

– Вдохновение – это симптом очень опасной болезни, – клейким голосом отвечает Гордость.

– Какой же? – поднимает головку вундеркинд.

– Слышал про маниакальный синдром? Мания ещё никого не доводила до добра. Даже одержимость помощью или поэзией способна свести с ума, – сгущает краски Гордость, наклеивая на волосатую голень восковую полоску.

– Брось, – мило хихикает Чмо.

Гордость выбрасывает мохнатые полоски и уходит в парикмахерскую. Оставляет мальчишку за главного.

Возвращается спустя четыре часа в образе взрослой Мальвины. Теперь кольца её волос лазурного цвета, и Гордость сразу обвешивается украшениями из бирюзы. Беспеременно говорит о натуральности и силы камней, их влиянии

на психику и сон.

– Как я тебе? – корчится у зеркала Гордость, но она называет это «красуется».

– Челюстноотвисательно, – честно признаётся Чмо. – Но тебе идёт. Это очень... эпатажно.

На следующий день они отправляются в наркологическую клинику с дурацкой программой стихов. Чмо волнительно, он ёрзает на сиденье. Мальвин занимает водительское сиденье, и ветер треплет его волосы.

– Этим людям не нужны поэты. Им нужны психиатры, – говорит директор, завидев парочку.

– Вы уверены, что не ошибаетесь? – мягко не соглашается Чмо.

Глупый волонтёр. Смазливый доброволец.

В сквере для прогулок их встречает рассеянная публика. Какого-то вялого парня придерживают за талию, чтобы не упал. Но он всё равно падет. И телом, и духом. И Чмо начинает. Стучаться в двери, не ведущие никуда.

– Брови изогнуты, как арахис,

Каждый лелеет и нянчит страхи,

Каждого паника поломала,

Каждому паники страшно мало, – по памяти повторяет Чмо, и голосок его дрожит, словно сверху наложен эффект

электро.

– Каждый по-своему, но прекрасен,

В сумерках молится: «Грязи! Грязи!»

Кажденький голенький под одеждой,

Кажденький серенько-пыльно-бежевый, – щебечет Чмо.

– Каждого с ложечки кормят горем,

Каждого спрятали в стаю коек,

Души забрали на перевязку,

Всех обманули глазки, – речь всё бессмысленней и бесполезней. Чмо уже не смотрит на грустные смайлики слушателей. А слушатели тянутся к Чмо. Лезут к нему, как ручные коты.

– Мне скучно. Тоскливо. Никаких впечатлений. Никакого вкуса. Нет аппетита жить, – стонет девочка с прямыми рыжими волосами и худыми ручками.

– Очень пресно. Если я выйду отсюда, то обязательно сорвусь, – делится с ним прыщавый мальчик.

– Как можно мыслить позитивно, когда есть такой веский повод себя пожалеть? От него невозможно отказаться! Побить жертвой куда интересней. Жизнь становится насыщен-

ней, а ты автоматически хорошим, – признаётся парень постарше.

– Меня замучила паранойя, – всхлипывает девчонка в толстовке цвета какао, с натянутым на спутанные волосы капюшоном.

– Умоляю. Помоги, – говорят серые глаза.

Тоска впрыснула в них какой-то особый тусклый пигмент. Но как Чмо поможет? Его стишата плоские и далёкие. Какое же слово сможет проникнуть внутрь и укорениться там навсегда, как чернила при нанесении татуировки? Какое универсальное лекарство вылечит меланхолию? И кому сдалась лекция про вандализм и искусство жизни?

– Бедные наркотята, – воркует он. – Любого наркотёнка нужно любить, гладить и заботиться о нём, пока он не превратится назад в котёнка, – говорит Чмо, по его мнению, очень умную вещь. – Найдите любовь. Займите себя. Забейте всё время срочными делами. Выработайте дисциплину. Вызовите отвращение к тому, что раньше манило. Отвращение будет чем-то вроде иммунитета, – говорит Чмо в публицистическом стиле.

Чмо знает, что он должен предоставить им святого агнца, искупительную жертву, которая отвратит всех, столкнёт с пути разврата и самоуничтожения. Им нужно шоу. Им нужны острые ощущения. Теория скоро забудется, покажется полой дешёвкой, не подкреплённой доказательствами. Но где взять невинного ягнёнка, принимающего удар на себя?

Откуда достать громоотвод? Чмо даже готов вызваться на эту роль, но он чист и непорочен. Он здоровый невинный мальчишка. Его проповеди пока что мало кого встряхнули. Мало кого развернули в нужное направление. Это угнетает мальчишку.

Но он не отчаивается.

Он находит решение.

Он готов перешагнуть через гордость.

Чмо готов встретиться с Готом. И попросить его об услуге. Предложить ему сотрудничество. С выгодой для обеих сторон. Вместе они прозвучат на всю мощь. Чмо наблюдает за его жизнью в Тик-ток. Черпает оттуда новости. Следит за развитием творческой мысли. Знает, в какую глушь заходит его друг. Почти старший брат. Знает, что он нуждается в Чмо. Даже не в глубине души Гот жаждет, чтобы его остановили. И Чмо окажется рядом. В неподходящий момент.

Сомовыражение

– Ты слышала, что вытворяет этот мерзавец? – спрашивает у Фитоняши Гот.

– Ты о ком? – в свою очередь узнаёт та (она слышала всё).

– Не прикидывайся, – хмурится галочка брови. – Чмо. Он намеривается насолить мне. Разъезжает по больничкам с дурацкими поэтическими проповедями. Думает, этим кому-то поможет. Всё-таки время совсем не меняет людей. Каким был безмозглым, таким и остался.

– Завидуешь? – надменно фыркает Фитоняша.

Её пьянит раздражение Гота. То, как он мечется по комнате. Как кусает губы, съедая помаду.

– Чему? – слишком резко для правды срывается Гот. – Его общественному позору? Нет уж. Просто меня злит его мнительность. Его уверенность в себе. И вера в то, что делает. Потому что его теория про искусство жизни – глупость! – верещит Гот. Его радует возможность вылить желчь.

– А искусство разрушения, значит, умно? – ехидничает девушка, только раззадоривая фиктивного живописца.

– И ты туда же? Хочешь переметнуться на его сторону? – вспыхивает так, что чуть не падает от резкого оборота.

– Не беспокойся. Женщинам ни к чему игры в войнушки. Мне до лампочки оба лагеря. Это, конечно, мило и порой даже полезно устроить игрушечный суд с адвокатами и

прокурорами, но эта суматоха быстро приедается. Наскучивает. И, более того, это соперничество, кто выкинет штучку покруче, может вызвать привыкание. Раз – и вы оба втянуты в болото зависимости. От славы. От чувства собственной важности. От болезненного страха занять второе место... – излагает давно созревшие мысли.

– Не преувеличивай, – хмыкает, остывая, парень.

– ...Я же самодостаточна. Я уйду из вашей войны. Не хочу быть ни на чьей стороне. Мне ни к чему доказывать свою правоту и занимать первенство. Стану независимой. Займусь сомовыражением...

– Чем? – скептически фыркает.

– С греческого «soma» переводится как «тело», – терпеливо объясняет. – Складываем одно с другим и получаем «сомвыражение», выражение чувств при помощи тела, вместо вашего пафосного «само». Может быть, кто-то подтянется и ко мне. Раздобудем дом на колёсах. Станем дикими танцорами... – мечтательно распевает Фитоняша, наматывая локон на указательный палец.

– Ох! Брось эти выдумки... – начинает Гот, но фантазёрка обрывает его.

– Опять ты душишь чужие грёзы! Зыркаешь ревностно, как бы никто другой тоже чего-нибудь не добился. Препятствуешь чужому развитию, чтобы одному блистать. А когда рядом зарождается ещё какая-то концептуальная идея, ты бесишься. Для тебя она сродни риску! – бьет словами наот-

машь.

– Откуда тебе знать, психоаналитик вылупившийся? – сжимает челюсти Гот.

– Это видно, глупенький. Как ты сразу напрягаешься. Только не бойся. Мой проект никак не затронет твой. Моя задумка не претендует на вечное существование. И в признании я не нуждаюсь. Мне достаточно одного своего тела. Даже для любви. У меня есть Фотоняша. А у тебя нет никого! – щиплет за больное.

– Тешь сколько угодно свои иллюзии. Только я тебе и слова плохого не сказал. Речь вообще тебя не касалась. Дело в том, что истина Чмо мешает моей истине! Если он продолжит и дальше разъезжать по больницам, как грёбаный клоун в парике, то сместит меня. А это нечестно. Это путь по головам. Он не имеет права меня притеснять! – никак не угомонится Гот.

К сожалению, Фитоняше всё равно на его проблемы. Пусть жалуется, увеличивает её злорадство.

Незаметно между ними вновь пробегает чёрная кошка.

Фитоняша презрительно провожает взглядом Гота, который хватается за новенький телефончик и бросается снимать видео. Жалкое любительской видео в формате селфи.

А девушка ставит музыку и разогревается перед танцем. Вытряхивает склоку из памяти и сосредотачивается на том, что творится внутри. Сосредотачивается на напряжённом прессе. На крепких мышцах ног. На послушании рук. И ей

хорошо.

Зарождение греха

Гот в ярости. В бешенстве. Он разъярён. Швыряет мольберт на пол, пытаясь достичь максимального грохота. Будет ещё какая-та девчонка лапать его душу, оголять скрытые, но истинные цели всего замысла! Соплячка! Пустышка! Годная для хождения по подиуму и надувания губок! Чтоб она понимала! Вечное недооценивание женщин...

Готу жалко себя. Его постоянно гнобят. Постоянно топчут. Хочется отомстить всему миру. Поставить всех на место. Желательно – в угол. Гот возвращает мольберт в правильное положение и берётся за кисточку. Он изобразит будущее. Поставит каждого угнетателя, каждого смехача в угол. А себя в центр. И дороже этой картины уже ничего никогда не возникнет.

С ненавистью заполняет нижний левый угол Фитоняшей. Абстрактными формами. Ассоциативными цветами. Что-то отдалённо напоминающее губы, нанизанные на шпильку каблука. Забавный малиновый шашлык.

Но внезапно приступ вдохновения прекращается. Пузырь азарта лопается. Его протыкает глухой стук в дверь. Тихий, но продолжительный.

Гот глубоко втягивает носом воздух, как бы прося Бога наградить его терпением, покидает позу, точно каменная статуя, постепенно превращающаяся в живое. Дорога до при-

хозяей кажется долгой и полной препятствий. Голова словно наполняется сном, но тем не менее Гот добирается до порога и открывает дверь, не спрашивая «кто» и не заглядывая в глазок.

Конечно, к нему возвращается его строптивый блудный сын. Не на коленях, но с робостью во взгляде, который вопрошает: «Можно войти?»

– Явился? – холодно шипит Гот, оккупируя проход.

Его фигура загораживает густо-жёлтый домашний свет. Под ногами путается Боль, встречая незваного гостя.

– Прости. Я не должен был уходить так, – признаёт нерадивый беглец.

– Как? – криво усмехается художник, чья одежда привычно заляпана краской.

– Ну, сгоряча. И надолго. И глухо. Без каких известий. Тыпусти меня, мы поговорим, – чуть не плача, предлагает Чмо.

– О чём? О твоей ненависти ко мне? – не устаёт Гот. Он ни за что не спустит этому парню всё с рук. Он вдоволь насладиться его раскаяньем. Выбьет все слёзы. Заставит скулить и просить прощения.

– Что ты? Нет! Я не ненавижу тебя! – восклицает. Порывается обнять.

Гот брезгливо отшатывается.

– Стебаешься? И как тебе не стыдно лезть ко мне и заявлять, что хорошо относишься?! – низко и агрессивно спра-

шивает.

Так хищник рычит, когда не думает отпускать жертву. Когда перед прыжком остаётся пара мгновений, когда его триумф охоты необратим, когда всё предрешено, но добыча ещё жива.

– Просто всё так получилось, – лепечет Чмо, поглядывая на Гота из-под бровей, проверяя, как действуют его оправдания.

Они не действуют.

– Просто? А ты не допускал мысли, что я волнуюсь? Что трачу время на поиски? Вдруг тебя сбила машина? Вдруг заблудился в городе? Вдруг попал в сексуальное рабство к какому-нибудь мужику? Ты хоть иногда можешь меня пожалеть? – произносит давно заготовленную речь.

– Но ты же сам сказал, что неважно, есть я или меня нет! Что я не особенный, чтобы тратить на меня внимание! – изумляется Чмо.

Гот победно отмечает, что его колкости запали в душу.

– М. Вот как? Получается, ты видишь только себя, – уже слабее атакует парень.

– Ты прав. Я повёл себя слишком инфантильно и импульсивно. Я каюсь! Но давай наладим отношения? Давай снова жить вместе? Давай помогать друг другу? – с надеждой молит святоша.

– Помогать друг другу? О какой помощи речь? Очнись! Ты просто роешь мне яму! – от возмущения давится слюной

Гот.

– Как?! – аж приседает Чмо.

И в его возглас фальшивая искренность. Оксюморон, который становится заурядным явлением.

– Проходи. Обсудим, – вяло освобождает дверной проём парень. Его глаза стреляют упрёками. Превосходством. И справедливой укоризной. – Где жил? – сухо интересуется, сплетая руки на груди.

– Меня подобрала одна женщина, – пожимает плечами, краснея, мальчик.

– Надо же, как интересно. Значит, у тебя были любовные похождения? – ухмыляется Гот.

– Боже упаси! – испуганно отнекивается Чмо.

И в этом его возгласе отражается долгое напряжение. За этим возгласом стоит какое-то мучительное ожидание. Возглас предполагает трудную историю, и Гот даже ошарашенно осознаёт, что всё это время у Чмо текла своя жизнь. Он был заложником собственной реальности.

– Нарочно талдычишь про спасение с помощью искусства? – продолжает скупой опрос.

– В смысле? Ты чего? – приближается вплотную мальчик, расшнуровав и сняв ботинки.

– А того! Думаешь, по телику не показывают, как ты посещаешь места с «угнетёнными и нуждающимися»? – скалится брюнет. – Что дальше? Может быть,пустишься в тур по стране? А?

– Нет. Я не пойму, почему ты сердишься, – осторожно мяукает ангелок.

– Да потому что твоя правда вредит моей! – тычет в грудь пальцем-восклицательным знаком.

– Я не нарочно. Если ты помнишь, то я вообще первым создал свой трактат. Я действую не из вредности. Я читаю стихи не чтобы стянуть одеяло на себя. А чтобы помочь людям. Но им не помогается, – вздыхает поэтик, прибегая к своей дурацкой манере словообразования. – Поэтому я решил обратиться к тебе...

– Только поэтому?! – ахает Гот, теряя последние крупички самообладания. – Ты соизволил вернуться не из-за меня, а из-за своих стишков?! Из-за своих несчастных людей?! – задыхается Готик.

– И ради тебя тоже! – поспешно встречает Чмо, но его заискивающая ремарка лживая, мерзкая и жалкая.

– Тогда можешь убираться обратно! – в сердцах – хотя у него не было грозди сердец, у него вообще не было сердца в привычном понимании этого слова, вместо него в грудной клетке бился алый лайк – прогоняет мальчишку Гот.

– Погоди, – мягко бормочет тот, зачем-то показывая ладони. Зачем-то выставляя их вперёд, будто рядом резко распахивается дверь кабинета. – Мы ведь можем выступать дуэтом! Наши теории не исключают, а подкрепляют друг друга! – пылко вырывает из себя Чмо.

Его фраза не столько успокаивает, сколько озадачивает

обиженного парня. Вводит в ступор.

– Каким образом? – отвисает тот после минутного оцепенения.

– Вместе мы можем устроить зрелище. По-настоящему впечатляющее и запоминающееся. Чтобы кто-то прекратил себя резать или лежать, связанный депрессией, нужно лишь перенасытить его кровью, царапинами или лежанием. Довести до отвращения. До крайности. До абсурда. И именно ты способен это показать, – вдохновенно рассказывает Чмо.

– Правда? Как мило, что ты такого высокого мнения обо мне, – иронизирует Гот, но без надменного огонька. Он пробует предложение, расценивает его, проверяет на наличие ушибов себе. – И что именно от меня требуется? – ломается в конце.

– Смотря когда. Мы ведь будем отзеркаливать публику. Предстанем перед мазохистами – тебе придётся бить меня до рвоты, до омерзения. Предстанем перед меланхоликами – бубнить, нагнетать, подмечать всё плохое вокруг, – приводит примеры Чмо.

– Тогда давай, – ласково улыбается Гот. И взгляд его теплится, восклицательные пальцы примирительно заползают в ладонь Чмо. – Предстанем перед убийцами?

Глупенький Чмо счастливо обнимает Гота. Глупенький Чмо облегчённо кладёт подбородок на его плечо. Глупенький Чмо всегда знал, что Гот на самом деле любит его.

Смертёнок

Чмо рад вновь оказаться в своей комнате с персиковыми обоями, Матвейкой и приятной письменной мелочью. Всей той утварью, что он скопил. Блокноты, карандаши, тетради... Чмо встаёт на своё место, ему делается мирно и комфортно. Он счастлив закрыть гештальт. Теперь они с Готом снова лучшие друзья и сотрудники.

Чмо просит Гордость, чтобы та организовала выступление для трудных подростков. Потому что именно эту публику выбрал Гот. Приятна его вовлеченность в проект. Его подлинный интерес. Нельзя пренебрегать его мнением. Если он сделает всё по-своему, то обидит Гота, подчеркнёт своё главенство.

Для намечающего мероприятия Чмо создаёт отдельный цикл стихов. Повышенная ответственность не позволяет снизить качество. Нужно выстрелить так, чтобы ни у кого не осталось пути назад. Чмо зовёт своего музёнка, говорит ему «кис-кис» и «гули-гули-гули», и его золотистый крылатый помощник не заставляет себя долго ждать.

Чмо не выдавливая из себя слова, не терзается поиском и не выжимает яркой мысли. Потому что он подхвачен волной желаний. Он просто исполняет потребность выговориться. Образы формируются в нечто цельное. Чмо и его музёнок сходятся на том, что историю выгодней подать в качестве по-

эмы. Поэмы о том, как грешники отправляются к Богу, чтобы выколоть тому глаза. Чтобы тот ослеп и не обнаружил их злодеяний. Чтобы избежать кары, чтобы бумеранг правосудия не снёс их головы. Одно преступление тащит за собой второе. И рождается тотальная жажда.

Как только появляются мышцы, сразу хочется их укреплять. Как только наносишь татуировку, тут же планируешь набить вторую. Как только берешься за книгу, уже сочиняешь сюжет для следующей истории. И не можешь остановиться. Попадаешь в круг вечной погони. Делаешь шаг, и горизонт отодвигается на два.

Пролог

подавай кисель

Тёмно-розовый,

Зазывай гостей

И философов.

Будет пиршество,

Будет миршество,

Будет тиршество

И кумиршество.

Будет день-блондин,

Ночь-брюнеточка.

И начнём платить

Чёрной меточкой.

Будет колдовство,

Будет сольдовство.

Будет больдовство,

Будет хворьдовство.

Слёзы горькие

Мы выдаиваем.

Глазки зоркие

Закрываемы.

I

Слёзы срывались, как наркоманы,

Падали духом на простыню.

"Поздно" случалось смертельно рано,

Грешники думали: "Не убью".

Грешники, глупые, ошибались,

Чувства не пробуя обуздать.

Их ураган максимальнобаллен

Мысли грохочут, как поезда.

Грешники ждали своей расплаты
И замечали в бреду следы.
Чтобы убийство от Бога спрятать,
Ловко придумали: ослепить!
Полная темень секреты скроет,
Страх испарится, уйдёт беда.
Белые руки по плечи в крови,
Руки, привыкшие убивать.
Путь протекает печально вяло,
Ужас читается на лице.
Грешники поняли: кровь бывает
Вязкой и розовой, как кисель.

Чмо заканчивает работу в аккурат перед отъездом. Он горит изнутри. Он проглатывает стеснение, он повторяет зарифмованную речь, он садится в машину. Рядом присаживается Гот, молчаливый и далёкий. Над передним сиденьем видны только волны бирюзовых волос. Гордость передвигает рычаг, и шины наматывают на себя мокрые листья. Чмо напивается разряженным осенним воздухом, наблюдая за тем, как развивается пёстрый атласный шарф, повязанный на шею их водителя.

На удивление, Гот не задаёт никаких вопросов, хотя видит Гордость впервые. Наверное, оправдывает его Чмо, сильно волнуется. Чмо считает его волнение, прислоняет его к себе. Волнение Гота отпечатывается на лице Чмо, и больше Чмо не в состоянии пить сырой воздух.

– Боязно, – признаётся напарнику мальчик.

Тот сочувственно закусывает губу, напоминая хозяина, жалеющего собаку, которую собрался усыпить.

– Голубчики, мы на месте, – с кокетливым придыханием оборачивается Гордость.

Её лицо погребено под слоем кремов. Закопано. Можно сказать, зарыто.

– Выходим, – решается Чмо, стараясь унять прыгающее внутри сердце и вытащить вату из ног.

Выступить предстоит на улице. На небольшой деревянной сцене, напротив которой стоят уже занятые скамейки.

– Ох, как же хочется отказаться от всего, струсить и отме-

нить это безумие, – жалобно трясётся Чмо.

– Не бойся, – говорит Гот. – Я о тебе позабочусь, – говорит Гот, что звучит не как утешение, а как угроза.

– Спасибо, – одаривает его вымученной улыбкой.

Их встречает ведущая этого безумия, отзывчивая девушка в тёплом пиджаке, сообщает о времени, даёт наставления, сообщает, когда объявит их выход.

Чмо кажется, что в его горле застряла жаба. Она квакает там, гоняя по шее почти невидимый кадык.

– ...А теперь поприветствуем двух молодых людей с необычным номером, которые они для нас придумали! – зычно объявляет девушка, уступая им место у стойки микрофона.

Чмо, из последних сил оставаясь в сознании, преодолевает три ступени и трясущимися ручками берёт микрофон.

– Добрый день! – волнуясь, начинает.

– Сегодня здесь прозвучит поэма-притча о том, что каждый волен ошибиться. О том, что каждый имеет шанс вырваться из порочного круга. Что каждый заслуживает прощения, – оглядывает ряды лиц.

– Итак, приступим! – кивает Чмо, подбадриваемый жидкими аплодисментами поддержки.

– Будет тиршество! – рвёт горлышко Чмо.

– Белые руки по плечи в крови! – его голос развивается по ветру, как пёстрый шарф Гордости. Как флаг. Как знамя.

– Славьтесь, бедные! Славьтесь, грязные! – добавляет же-

сты, вскидывая кулак.

– Кровь кисельную пей по праздникам! – расходится.

– Но увидьте, слепые глазоньки! Как свирепы потоки красные! Как мучительна смерть во действии! Как разучитесь вы надеяться! Как сломаетесь и разрушитесь, как привыкнете самокушаться! – словно танцуя восточный танец, раскачивается Чмо.

Внезапно чьи-то восклицательные знаки впиваются в его плечо и разворачивают к себе. Перед ним стоит Гот с пространным взглядом, который как бы извиняется и говорит, что он здесь не причём. А ещё Чмо замечает нож, похожий на верхний спинной акулий плавник.

– Гот? Постой. Не надо, – удивлённо застывает. – Я знаю, что ты не причинишь мне вред. Потому что в каждом есть красота и мораль...

Но в следующую секунду красота и мораль использует нож по назначению.

Чмо ощущает резкий толчок в животик, а затем странное опустошение. И вновь что-то цапает его за внутренности. Опять резкое погружение и болезненный выход. Что неприятно терпеть эти манипуляции. Он не понимает, что происходит. Наклоняет головку к груди. Видит, как его полосатая водолазочка обзаводится тёмными пятнами. Чмо кажется, что он становится полым.

Теперь ему ясно, что спектакль происходит без каскадёров и запасных ролей. Спектакль, где смерть происходит на

самом деле.

Но его это не огорчает. Наоборот, кажется логичным и вполне последовательным. Туловище Чмо непроизвольно пускает кровавые слюни. Мальчик не может сдержать это течение, хотя пытается втянуть живот, будто это поможет. Бурый кисель хлещет на доски. Чмо прикасается пальцами к проткнутому брюху. Те становятся красными, как леггинсы Фитоняши.

Кажется, что его голова превращается в лабиринт, по которому катается металлический шарик. От этого возникает слабость в ножках.

В ручках. Вначале он роняет микрофон. Потом роняет себя. Мысль становится рассеянной.

– Гот? – шепчет, надеясь на помощь.

Смутно различая Гота на коленях рядом с собой. Зрочки того бегают, как маятник метронома. Брюнет достаёт из кармана какие-то блестящие побрякушки. Протягивает ему. Суёт в ладонь, сам накрывает ослабшими пальчиками.

– Смерть утопающих – дело рук самих утопающих, – напоминает он.

– Скажи, ты меня ненавидел? Когда-нибудь злился на меня? По-настоящему? – слабым и каким-то зыбким голосом спрашивает Чмо.

Сознание его уже ушло в закрома. И наружу выливаются только вопросы подсознательного.

– По-настоящему – никогда. Но почему-то мне казалось,

что постоянно, – глухо, как сквозь воду, звучит ответ.

Он утешает Чмо, баюкает его, погружает в успокоение.

Мальчику становится мягко, словно на матрасике. Мягче, чем на сигнально-красном диване Гордости. Совсем не хочется подниматься. В этом нет надобности. Зачем копошиться, когда так удобно на деревянной сцене лёжа?

Чмо опускает реснички и позволяет крови вытечь. Вытечь эритроцитам. Вытечь тромбоцитам, этим пластинкам, этим плюшкам. Сейчас это становится главной задачей, которую Чмо охотно исполняет. Это даже приносит ему удовольствие.

Сердце икает так, словно его кто-то вспоминает. Проклинает. Но вскоре оно пугается и перестаёт икать. Жизнь Чмо оказывается короче лапок корги. Короче шнурков на кедах.

Пророчество

Гот не ожидал, что доведёт задуманное до конца. Он в шоке сам от себя. И слушатели, судя по вытянутым лицам, находятся под впечатлением.

Что ж, задумка удалась. Всё прошло успешно. И день выдался по-настоящему прекрасным.

– Вот, что значит искусство вандализма! – показывает Гот, подняв факел микрофона.

Его страшатся. Пытаются затаиться, слиться с воздухом. Никто не может различить, постановка это или взаправдашняя резня.

Затем Гот вставляет микрофон обратно в держатель. Наклоняется к Чмо с посиневшими губами. Одну руку запускает ему под шею, другую под колени. Внутренние боковые связки. Поднимает малыша. Тот складывается в позу буквы «дабл ю». В образовавшейся ямке скапливается озерцо крови. Тарелочка борща. Гот кланяется и сходит со сцены. «Это розыгрыш, – говорит его уверенная физиономия, – это обычный муляж».

Гот доходит до машины, которой управляет перекрашенный женоподобный мужик. Гот слегка растерян. Вдруг подведёт? Вдруг заявит в полицию?

– Закончили. Вези нас... – мнется начинающий убийца.

Куда? Куда засунуть тело, чтоб избавиться от него? Гот

начинает нервничать. К нему подкрадывается осознание, что он натворил. Что убийство необратимо. Что есть риск передумать. Гот был так натянут и доведён до взрыва, что теперь, после разрядки, напуган. Заложник своих действий куксится и вытягивает изо рта нитку жалобного стона. В котором скользит сожаление. И раскаяние. В общем, самые бесполезные чувства на свете.

– Что случилось? – участливо оборачивается синеволосая кикимора. – Кровь! – восклицает она, отвечая на собственный вопрос. Да, случилась кровь. – Как он пора-а-анился? – с укоризной тянет.

– Он не поранился... – плачет Гот. – Он убит, – от слабости признаётся он. – Я не знаю, что делать!

Как ребёнок, ищет помощи. Подсказки. Хочется свалить беду на кого-то другого, и чтобы этот кто-то разобрался с ней без его вмешательства. Лишь бы отгородиться. Отсечь себя от причастности к трагедии. Воздух наполняет вкус несчастья и тяжёлой ноши.

– Ка-а-ак? – гнусаво охуевает Мальвина за рулём.

– Что мне делать? Скажи, что мне делать! – вначале умоляет, потом приказывает Гот. – Я боюсь! Я не хотел! Я ничего не знаю!

Только Гот очень хотел и совсем не гнушался убийства. А ещё он старательно вызывает жалость к себе, а не к новорождённому мертвецу в его объятьях.

– О, мамочки! – ахает Гордость, которая теперь вовсе не

Гордость, а Паника. – Садитесь. По дороге что-нибудь придумаем, – решает тёлка с железными яйцами.

Только предложение «садитесь» во множественном числе звучит саркастично. Оно колет и ошпаривает.

Гот, сгибаясь в коленях, проталкивает дырявого ангела на сиденья и аккуратно присаживается рядом. Чмо заваливается, прижимаясь шеей и щекой к окну. Гот не знает, сколько литров крови уже потерял Чмо, но знает, что бедный мальчик уже никогда не станет донором. Только сейчас Гот сообщает, что течение можно попробовать остановить. Потуже замотать тряпками или хотя бы зажать руками. Дрожащими. Холодными, будто он сам – труп. Во всяком случае Гот не предпринимает ничего. Странная отрешённость вводит его в душевную спячку. В такой же спячке находятся безумцы, поужинавшие аминазином. Этот препарат снижает двигательную активность и купирует психомоторное возбуждение.

Вот они едут по дороге, как герои Джека Керуака, блин, а ничего не лезет в голову. Обещание «придумаем» оказывается обманом.

– Куда? – произносит Гот.

Кажется, что голос складывается в звуки не во рту, а уже по выходу из него. За пределом губ.

– Ох, душка, нам остаётся только гадать, – ставит диагноз шофёрка, замедляя авто.

– Ты это чего? – давится паникой Гот.

– Как чего? Чтобы погадать. Заглянуть в будущее. Для

этого мне нужны срезы твоих ногтей, волосы и кровь, – посвящает она.

– Так это в буквальном смысле было сказано? – удивляется парень.

Сейчас он похож на сплошное сердце, которое колотится, колошматится, как после после бега.

Звяня рукавами браслетов, Паника открывает бардачок и выкапывает оттуда маникюрные ножницы. Затем, скрутившись в пояснице, оборачивается назад.

– Давай свои пальчики, – командует.

Гот повинуется и протягивает трясущийся кусок плоти. Паника состригает пару образцов. Отчекрывает прядь крысиной шерсти и просит каплю крови. Забавно. Салон залит этим добром, а они добывают ещё одну каплю.

Лёгкие протискиваются в горло. Гот, бледнея, никак не решается уколоть палец. Не просто боится боли. Его сдавливает фобия. В мозгу проносятся страшные флешбеки, и парень усиливает их реальность. Полноту.

– Ну! – торопит гадалка.

Гот зажмуривается и надавливает лезвием на подушечку. Благо, онемевший, ничего не чувствует. Паника предоставляет блюдце, в которое он выдавливает пару росинок.

Профессионалка недолго пялится на биологический материал, потом с ужасом отрывает глаза и констатирует:

– Ты написал картину ножом. Произведение вызывало летальный исход. Теперь ты будешь скрываться в лесу. И в на-

казание за содеянное больше никогда не сможешь рисовать. Тебя настигнет справедливая кара. Ты навредишь сам себе. Ты направишь разрушение на себя. Вначале это будет жалость. Потом вина. Потом ненависть. Ты пройдёшь все девять кругов Ада. На земле...

Гот сокрушается, слушая немилосердный приговор. Он с последней надеждой тормозит Чмо, требуя, чтобы тот жил, но этот подонок опять подводит его. Гот жаждет облегчения, какое случается, когда узнаёшь, что срок условный, что кошмар – всего лишь сон. Когда снежный ком проблем оказывается выдумкой к концу первого апреля, глупой шуткой друзей. Когда раскрывается фокус жестокого пранка на улице.

Но вот только в его ситуации смерть – не фокус.

Готу невыносима мысль, что он поставил на себе крест. Что он уже никогда ничего не достигнет. Что его участь – отправиться в добровольное изгнание. Ему тягостно расставаться с полюбившимися мечтами. Отпускать материальные блага, только что полученную авторитетность, чувство могущественности и власти. Веры в то, что сможет повлиять на толпу.

Но пора становиться атеистом.

Паника

Она управляет Готом ровно так же, как автомобилем, который везёт их в ужасную глухомань. Фонари редуют. Ночь смыкает глаза. Гасит лампочки удильщиков. Чернь становится такой густой, что в ней можно увязнуть, как в непроходимых джунглях. Они остаются одни на дорожной кишке. Коричневые пятиэтажки сменяются дачными домиками. Из некоторых льётся канареечный свет, из некоторых – призрачный дым. Из некоторых не льётся ничего.

Вглубь. Дальше. Рядом истекающий такой же вязкой кровью Чмо.

– Ты знаешь, куда везёшь меня? – ёрзает на задних сиденьях готический убийца.

– Я тебя спрячу, – обещает Паника. Точно так же помогают родители деткам придумать особенно сложное место для игр в прятки. Изобретательное. Такое, какое не придёт в голову первым. – Но для начала мы должны спрятать его, – указывает влево.

Гот согласно трясётся, и они оставляют магистраль. Своерачивают на придаточную тропинку. Продираются медленно. Только фары режут тьму. Стылый лесной воздух оборачивает кисти рук, просачивается сквозь одежду. Холодильник с деревьями внутри.

Наконец, Паника тормозит, глушит мотор и говорит: «Вы-

ходи». Гот выкарабкивается наружу. Синеволосая разевает левую дверцу и с лёгкостью вынимает Чмо. Держит его, как младенца. Только не укачивает и не тянется носом в свёрток. Втроём они шествуют к заброшенному участку. Заросший дикой травой, стянутый крапивой, с обнажёнными кирпичами, не обмазанными цементом, дом не слишком гостеприимен. Гот нашаривает неровный шершавый камень и зашвыривает его в окно. Глухой звон будит застывшую душу, всколыхивает тишину.

Парень лезет внутрь. Отчаянно и прямо. Без деликатной осторожности. В ладони впиваются осколки. Подтягивается на слабых руках и обрушивается на пол. Гнилой и какой-то размокший.

– Принимай, – шикает Паника, вытягиваясь на цыпочках и поднимая свою ношу.

Гот изворачивается так, как ни одна поза йоги не сложила бы его. Цепляется пальцами за куртку Чмо. Пальцы ползут, замыкаются за спиной. Если бы не поддержка Паники, то Чмо бы давно утянул его вниз. В болото. В могилу. Липкая слюна клеится к горлу, грозя приступом удушья. Гот напрягается. Сдувает лёгкие. Сжимает желудок. Вспоминает сказку про репку. «Тянет-потянет, а вытянуть не может». Чмо ничем не отличим от репки. Последняя предсмертная роль его дружка оказывается прозаичной и смешной.

Когда «Детка» отчаивается, то тело всё-таки вваливается в полуразрушенное здание. По инерции Гот падает на спи-

ну, утаскивая с собой мертвеца. Выбирается из-под его груза, тяжело и суетно пыхтя. Оглядывается, заставляя себя дышать ровнее. Очертания предметов подсказывают, что есть что. Гот волочит мальчика за ворот к углу дивану, придвинутому к стене с отслоенными обоями. Со скрежетом отодвигает грязную и какую-то сваленую мебелину. Пропихивает в образовавшийся проём тело. Готу слишком болезненно думать о человеке, к которому так привык, как о теле. Это слишком неправильно. Резко. Лицо некогда простодушного мальчишки не обезображено, и не верится, что это юное прелестное создание обречено прекратиться так рано. Почему-то именно Мирные Жители должны первыми выбывать из игры.

– Прости, малыш. Просто, понимаешь, когда за тобой идёт весь мир, ты можешь заблудиться, но когда за тобой идёт всего один человек, ты даже оступиться не имеешь права.

Тягость сожаления скребётся в груди. Готу боязно оставлять Чмо одного. Хочется остерегать его, контролировать. Вдруг в хижину проберутся собаки и съедят его прекрасное личико? Вдруг они покусают его запястья? Глупо, конечно, ведь мало кто решится сунуться в такие дебри, да ещё отковырять Чмо будет непросто, но Готу всё равно никак не бросить свою жертву, словно после её смерти он взвалил на себя ответственность. За сохранность трупа. За достойное обиталище. Вот только никогда не случится траурной церемонии,

не будет цветов, гроба, священника и прочего добра.

Гот почти присыхает к заколдованному мистическому месту, но ему нужно убираться отсюда. Темнота действует на нервы, так как в ней лучше выявляются призраки. Как фосфорные наклейки, светящиеся, когда в комнате выключают люстру и плотно запахивают шторы.

Парень, шатаясь, приближается к оскаленному квадрату окна. Под ним переминается с ноги на ногу Паника. На её голове целое море.

– Готово, – хрипит её напарник.

Та лениво отходит в сторону. Гот поворачивается затылком к обветренному небу в цыпках звёзд. Одна нога упирается в пустоту, точно под ней есть ступенька стремянки. Чувствует, как его лодыжку обхватывают длинные пальцы Паники. Свешивает вторую ногу. В неё тут же впиваются наращённые ногти.

– Сползай. Я тебя держу, – низко соприкасается трансгендерная женщина.

Гот постепенно распрямляет локти, отдавая себя на попечение преданному спутнику. Точно так же отдаются волнам, позволяя укачивать себя и выносить на берег. Его волокут по кочкам, по спутанным в косы корням, по каше листьев. Проталкивают в машину. И вновь вспыхивают фары, и вновь перед ними ежевичная чернота, и вновь кусок рябого шарфа развеивается по ветру.

– Теперь подыщем домишко тебе, – механически сообща-

ет Паника, словно зачитывает следующий шаг инструкции.

Почему-то у Гота не возникает никаких вопросов. Ничто его не смущает. Ни холод. Ни лесная воронка. Ни отсутствие пищи. Гот мечтает превратиться в игрушку Зублс, чтобы свернуться в комочек и закатиться в уютную норку.

Когда машина подпрыгивает на ухабах, Гот невольно во-зёкается в крови. В том, что Чмо оставил на память. Его прощальный подарок делает руки скользкими, они начинают чесаться.

– Отлично, – сама с собой бормочет Паника. – Выкаты-вайся.

Гот тянет на себя рычаг, и дверка радует его скромной щёлкой. Вылитая щербинка между зубами. Толкает плечом. Ступает на заснеженную землю. Двигается за своей провожатой, которой приходится слепо доверять во всём.

Паника легко перелезает через ограду. Гот, пригнувшись, пробирается под балкой. Дачная постройка старается внушить опасения, но Готу плевать. Он измотан. Истощён. Мозг специально помещает его в кокон, отрезающий от реальности. Вот он и болтается как неприкаянный.

Паника отворяет косую калитку. Пол застелен линолеумом. Низкая крыша проседает, словно устала держать планку. У стены койка с неприятным затвердевшим матрасом и тяжёлым покрывалом. Всё холодное и чужое. Гот садится на холодное и чужое. Вытирает ладони, обмазывая их об полосатую простынку.

– Сиди здесь. Я буду привозить тебе продукты и тёплые вещи, – распоряжается Паника.

– Да, – отзывается её подчинённый.

Затем она, нелепо скользя на каблуках-зубочистках, покидает доживавшую свой век избёнку. И парень остаётся один нанизывать глаза на нитки слёз. Глупый эмигрант.

Он вспоминает Припять – город, пропитанный радиацией. И его жителей, не желающих становиться его мертвецами. Им пришлось бросить своих домашних любимцев. Семейные реликвии, которые уже никогда не достанутся новому поколению. Покинуть обжитые квартиры и уйти в неизвестность. Начать строить всё заново.

Готу отлично знакомо их положение. Он знает, как трудно отцепиться от постоянности. Только их поддерживали. Им оказывали социальную помощь. А он вынужден таиться в морозилке. И быть виноватым. Какую-бы расплату он ни понёс, он уже никогда не станет жертвой. Вечное клеймо тирана. Убийцы. Зверя.

Оказывается, что он был прекрасным теоретиком, но трусливым практиком с тонкими кишками. Он сам не смог подтвердить свою же теорию. Не смог её поддержать. Подать пример остальным. Его шальные нервишки разыгрались и подвели. Как он мог пороть такую чушь про искусство вандализма? Он примерил роль безумного эстета, и это платье оказалось ему слишком велико. Никчёмный Гот. Правильно над ним издевались в школе. Он никогда не опровергнет их

насмешек. Бездёжный промоутер с не розданной стопкой
фраеров. Бесталанный

Отсчёт

Тихо тикают часы. Фитоняша сидит, натянув новенькую толстовку пряничного цвета на колени. Она не представляет, как некоторые девчонки способны дожидаться парней из армии, когда и день ожидания превращается в пытку. По плану Гот и Чмо должны были вернуться ещё засветло, но их всё нет, хотя уже всю работу фонари. Оба телефона недоступны. Девушка усаживает Боль на колени и гладит её по голове и загривку. Конечно, она ласкает её лишь для того, чтобы успокоить себя.

Даже ласку люди дарят по эгоистичным причинам.

Боль вначале мурчит, но потом, когда ей надоедает, кусает палец.

Одновременно с этим настойчиво барабанят в дверь. «Вернулись», – мелькает в мыслях у девушки. Но, отомкнув дверь, она наталкивается на высокую женщину с прямоугольным лицом и голубыми кольцами волос. Лицо страхолюдины размалёвано так безвкусно, что поневоле пялишься на неё, как на диковину. Как на клоуна в цирке.

– Добрый ве-е-ечер, – иронизирует клоун.

– Вы кто? – враждебно спрашивает Фитоняша.

Когда ждёшь своих, а в квартиру вторгаются незнакомцы, это означает, что случилась беда. Что чужаки принесли плохие вести. Что они сообщат дурные новости.

– Сло-о-ожный вопрос, – хихикает пришелец, складывая руки клином у подбородка, словно умиляется чему-то пушистому.

– Какими ветрами? – надувается Фитоняша, отмечая замешательство в глазах гостыи.

– Ах, – кудахчет. – Мальчишки больше здесь не живут, – безобразно деформируется рот.

Фитоняша настораживается: уж не выгоняют ли их? Фитоняша ещё не знает, что слово «здесь» необязательно. Что слово «здесь» играет роль смягчающей подушки. Оружейного глушителя.

– Почему? На это как-то повлияло их выступление? Где они? – выкладывает вопросы.

– Именно! – находится синеволосая, махая руками так, что многочисленные браслеты чуть не разлетают в разные стороны. – Я решила приютить таких экстравагантных обаяшек. Они в надёжных добрых руках, – заверяет.

– Странно... – хмурится девушка, так как не может подтвердить информацию, а верить на слово опасно: это может привести к жизни, абсолютно не соответствующей твоим представлением. У тебя могут просто-напросто украсть правду. – Я могу их увидеть? Всё-таки нужно собрать вещи для переезда. Меня даже никто не предупреждал. Мы даже не попрощались, – резонно замечает девушка.

Нет бы радоваться свободе и праздновать избавление от зануд и выскочек, она клещом впивается в загадочную изба-

вительницу, которую должна, по сути, благодарить.

– Позже, – кивает та.

– Тогда оставьте мне свой телефон, – любезно просит Фитоняша.

Она решает взять эту особу под наблюдение. Она подпустит её к себе, чтобы не спугнуть. Скорчит невинную дурочку. Будет болтать на безобидные темы, а в тайне следить за ней. Отмечать выдающиеся мелочи. Собирать улики. Которые укажут истину. Всё равно свет прольётся на тщательно заштрихованную правду. Как невозможно долго скрывать беременность, так и исчезновению друзей найдутся объяснения. Истина выступит. Проявится, как невидимые чернила, когда листок кружит над пламенем свечи.

Тихо тикают часы. Только если раньше их тиканье было нейтральным, шло в никуда из ниоткуда, текло само по себе, то теперь оно отсчитывает, неумолимо приближая что-то страшное. Как бомба, поставленная на таймер.

Оказывается, теперь уже часы учатся у бомб. Берут к ним уроки. Почему только не бомбы подражают часам? Вот было б здорово, если бы бомбы разучились взрываться, а просто указывали текущий час. Никто бы не погибал. Школы были бы в безопасности. Войны потерпели убыток своей эффективности.

Но – нет. Впереди – взрыв.

Фитоняша может подготовиться к нему, встретить его напряженной и осведомлённой. Так она не позволит боли себя

слоमितь. Забавно. Она собирается на свидание с болью. Даже предвкушает его.

Достижение любой цели всегда приятно.

Сосиски

Темнота ночи похожа на плотную непроницаемую ткань без дырок. Без малейших просветов. Полотно толстое и абсолютное. Холод сковывает сильнее. Гот дезориентирован. Не различает собственных пальцев. Двигаться невозможно. Тьма пеленает его в кокон. Ветер расшатывает дверцу, как молочный зуб. Вот-вот освободит десну дверного проёма и положит под подушки в ожидании зубной феи.

Тело Гота колотится. Трясётся, будто в массажном кресле. Вибрирует, как телефон, на который звонит неизвестный номер. Первые цифры, однако, выдают чужой регион, что означает навязчивую рекламу. Что означает, дело не в нём. Никто не стремится справиться о его самочувствии, самоопределении и прочих важных вещах.

Впереди долгая ночь, пропитанная одиночеством, как тряпка хлороформом. Это пугает и утешает одновременно. Гот изолирован, будто больной. Впрочем, так оно и есть. Но берегут вовсе не его от мира. А мир от него. Вдруг ему захочется ещё разок продемонстрировать искусство вандализма?

Слышится, как кто-то скребётся в двери. Топчет снег. Пыхтит. Поскуливает. Собака? Вряд ли, но, может, и волк. Готу боязно сталкиваться со зверем. Вдруг забредёт и от голода покусает его? Вдруг какая-то псина уже лакомится Чмо? От этих мыслей тошнит. Мутит. Гот напрягается, го-

товый дать отпор. Обостряет органы своих жалких чувств. Но животина вскоре оставляет его в мёрзлой тишине.

Гот дрожит, как стакан во время землетрясения. Выдержит ли он? Или Паника нарочно оставила его вдалеке от цивилизации, чтобы он, лишённый здравого рассудка, незаметно для себя и для всех скончался? Что если её благородная помощь – всего лишь загримированная месть? Месть способна сливаться с фоном. Затаиваться. Выдавать себя за искреннюю поддержку. Чтобы выпад был неожиданным и болезненным.

Как Гот мог дать согласие на то, чтоб его замуровали? В гнилом домике в лесу. Он здесь сгинет. Он точно сгинет. Впрочем, так ему и надо. Всё равно бороться не за что. Гот, собственно, согласен на смертную казнь.

Изнурённый парень застывает, как окорок в морозилке. Онемение шадит его. Позволяет сомкнуть глаза и покинуть сознание. Отдохнуть от сложных вычислений, гипотез и предположений своего будущего. Которое запутано...

...На следующие сутки находит себя помятым и почти перерождённым. Чистым. Эта чистота противоречит усталости. Гот встаёт, разминая конечности. Открывает шкафчики, ища что-нибудь съестное. Углубляется в закуток, сколоченный под баню. На сыром полу малиновеет пятно. Похожее на половик. Края его обрамлены белой каёмкой. Экзотический стелящийся гриб жутко красив. Смотреть на него – не говоря о том, чтобы трогать – неприятно. Гот обшарива-

ет каждую полочку, наполняя пальцы занозами, но никакой сушёный пряник не караулит вершину пищевой цепочки.

Гот робко выбирается на улицу. Ожидал увидеть блестящее полотенце снега сголуба, но вместо этого пялится на скомканные огрызки бумаги увеличенного размера. Вокруг деревья: голые сосны и ветвистые берёзы. Они неупорядочно сгрудились, словно дети выпускного класса для общего фото.

Гот выгуливает себя, считая это чем-то благотворным и оздоровительным. Готу неуютно оттого, что деревья пристально следят за ним. Водят вокруг хоровод, хотя он не именинник. Только виновник, но не торжества, а трагедии. Неужели вокруг виновников этого тоже крутятся, точно лёд и пыль вокруг Сатурна?

Гот уползает во временное убежище. Мучительней всего отсутствие информации. Словно тебя лишили уведомлений. И ты терзаешься, вдруг пропускаешь любопытные новости. Вдруг тебе кто-то ответил? Вдруг тебя кто-то оценил? Вдруг тебя разыскивает весь город? Эта изолированность от информации удручает больше всего. Ему нужно радио. Нужен поставщик свежих новостей.

Когда он слышит гудение мотора, то задерживает дыхание и забивается в угол. Где занавеска. Ждёт. Слушает. Мотор глохнет. Что-то шлёпает. Затем по земле чавкают ноги. В окне угадывается высокая тень с волосами цвета яиц дрозда. Эти яйца не нужно красить перед Пасхой. Гот вздыхает с об-

легчением: это просто Паника.

– Я же говорила, что буду тебя навещать, – бодро напоминает она, энергично заполняя пыльную клеёнку провизией в виде молочных сосисок цвета голубиных лапок, термосом с какой-то горячей бурдой, буханкой хлеба и пачкой крекеров.

– Погоди, – сипит Гот. – Зачем ты покрываешь меня? Почему изображаешь преданного адвоката, когда я убил человека, который долгое время был твоим гостем? Я не понимаю твоих мотивов. Почему ты не оставляешь меня?

– Мы с тобой вроде как обручены, – пожимает плечами.

– Ты хотела сказать «обречены»? – горько усмехается Гот.

– В нашем случае это одно и то же, – откровенно смеётся, не боясь задеть и ввести в недоумение. – Сейчас я поеду, а ты сиди и думай над своим поведением, – наказывает Паника, будто проступок Гота относится к категории детских шалостей. Будто за его плохое поведение только Санта не удостоит его подарком. Будто за его плохое поведение совсем не сажают в тюрьму.

– Хорошо, – соглашается Гот, хотя знает, как всё плохо. «Хорошо» и «плохо». Ещё одни антонимы, которые резко стали синонимами.

Когда женщина с накрашенным мужским лицом собирается уходить – это понятно по тому, как она поправляет сумку на плече и косится на выход – Гот накидывается с вопросами. Накидывается, как петля на шею.

– Что там творится?! Есть ли шумиха?! Убийство уже рас-

шифровано?! Афишировано?! Меня уже ищут?! – целая вереница петель. Выбирай, какая на тебя смотрит.

– Тебя уже любят и боготворят. Но ты наказан. Твоя стезя – пропуск почестей и признания, – то ли шутит, то ли издевается муженщина.

– Но почему?! – изумляется Гот.

Если ему ничего не угрожает, то нет смысла таиться и замерзать насмерть. К тому же скоро придёт зима, и холод станет ещё лютее. Ещё беспощадней. Будет его грызть. Потом обглаживать. Как косточку.

– Потому что ты убийца. Ты выбрал тщеславие. Заметь, не славу, а именно тщеславие. Ради этого ты отрёкся от друга.

– Разве я ошибся? – деликатно спорит Гот. Так уточняют какую-нибудь ерунду вроде «Разве в этом салате были грибы? Право, я их совершенно не почувствовал». Или: «Разве в семь закрывается магазин? Какая досада!»

– Разве ты продолжаешь верить в свою кошмарную идею? – парирует Паника.

И Гот сникает. Нет ему искупления. Не всегда возможна работа над ошибками. Бывает, что нет шанса на пересдачу. Лентяй пожинаяет плоды в виде голода и неурожая. И с этим уже ничего не поделать.

Гот остаётся жевать сосиски цвета голубиных лапок. Кошачьих носиков. Крысиных хвостиков. Очень аппетитные сосиски. Это сейчас самое важное. Самое основное. Единственное, на что Гот может повлиять. Он может есть их и

знать, что это зависит от него.

Всегда важно контролировать ситуацию.

Шоппинг

Фитоняша берёт синеволосого Буратино под локоть. Идут, не привлекая к себе внимания. Сейчас бы им не помешали шапки-невидимки. Но, увы, такие носят только дети из неблагополучных семей, которых не замечают родители.

На асфальте у магазина валяется седобородый мужчина. Его ноги подогнуты. Подбородок залит кровью из носа. Мужчина либо без сознания, либо без души. Похож то ли на профессора, то ли на бомжа. Две псевдоподруги аккуратно обходят его, как обходят кошку, развалившуюся посреди коридора. Чтобы не наступить на хвост. Чтобы не отдавить лапку.

Поблизости какой-то бард играет на гитаре, и уличные зеваки собраны вокруг него. Гитарист крадёт порцию должного внимания у того, кто пребывает в отключке. Должно быть, тот как раз имеет шапку-невидимку. Слышно, как через дорогу парень хватает девушку за руку и грубо лезет ей под пальто. Стаскивает колготки.

– Странно, почему столько разбоя в одном месте? – бормочет Фитоняша. На ней розовая дутая куртка и тёплые штаны с начёсом из экокожи.

– Нет, солнышко, – гнусавит Ложь, – сейчас это повсеместное явление. Не удивляйся. Так было всегда. Просто сейчас люди перестали маскироваться. Считай, что это но-

вый писк моды.

С тех пор, как Ложь постучалась в её двери, миновало несколько дней. Фитоняша успела заделаться ей в подруги и подбить её на шоппинг. Самое приятное девичье хобби. Польщённая Ложь не смогла отказаться. Только вот увеличенное количество некрологов не даёт покоя. Что-то изменилось в мире. Он стал жёстче. Похоже, земной шар оцетинился на них всех.

Парочка поднимается по ступенькам и проникает внутрь, где играет инди-музыка.

– Добро пожаловать на наше шоу уродов! Приходите познакомиться с моими монстрами! – жарко приглашают их по радио.

Одна блондинка хватается бутылку розового шампанского и со всей дури разбивает её о свою голову с улыбочивым лицом. Парнишка с волосами до плеч, зафиксированными заколками-единорожками, не стесняясь присутствия зрителей и камер, трахает себя гладким среднеплодным огурцом за восемьдесят три рубля.

– Почему их не останавливают?! – возмущается Фитоняша.

– Настали времена вседозволенности. Ты, что ли, не слышала? Насилие признали законным, – поясняет Ложь.

– Бред какой-то, – заторможено отзывается Фитоняша. Новости не укладываются в её голове.

– Вначале заглянем в Н&М, а потом затаримся продукта-

ми, – с энтузиазмом решает Ложь, будто её настроение не испорчено окружающим их безумием, которое признано нормальным. Так у обжоры не пропадает аппетит, когда спагетти кишат червяками.

– Ладно, – неуверенно бормочет Фитоняша.

Ей срочно требуется фотография её девочки, чтобы снять стресс. Фотки для неё вместо сигарет. Вместо кислородного баллончика.

– Сфотай меня, – слабеющим голосом просит Фитоняша.

Ложь недоумевающе делает пару снимков, после чего протягивает телефон с результатом. Фитоняша впивается глазами в свою изображение, напивается им, впитывает каждую мелочь.

– Кажется, полегчало. Пойдём, – переводит дыхание.

– Ты стра-а-анная, – комментирует Ложь, теребя и без того завитый локон.

– Ты тоже, – сухо отмечает фотозависимая.

Ложь зачарованно блуждает по лабиринту из одежды и зеркал. На её локте возвышается целая гора блузок, юбок и брюк. Фитоняша для того, чтобы не выдать потрясение, берёт первое, что подворачивается под руку.

Шагает к коридору с примерочными. Отодвинув занавеску, взвизгивает от ужаса, роняя трикотажную тряпицу и закрывая ладонью рот. Сразу вспоминает Гота. Тот никогда не прикрывал рта. Своим картинам. Неужели его преследовал такой же ужас, заставляющий держать губы распахнутыми,

дабы предоставить выход боли?

На крючке, предназначенном для пальто, висит девушка. Обмочившаяся. И молодая. Вместо верёвки поясок. Фитоняша бросается в слёзы, не в силах прийти в себя. Приветливый консультант спрашивает: «Чем могу помочь?» Его совсем не тревожит болтающийся труп.

– Снимите её, – трясётся девушка.

– Какую модель именно? – мило уточняет.

– Нет. Вы меня не поняли. Уберите повешенную, – жалобно умоляет Фитоняша.

– Зачем же? Это образец современного искусства. Как картины вешают на гвоздик, так людей можно вешать на крючок, – вталкивает он ей, как учитель ребёнку разжёвывает непонятную задачу.

– Это ненормально! – шарахается танцовщица. – Когда всё успело так измениться?

– Нужно следить за тем, что показывают по телевизору. Сейчас активно вносятся правки в конституцию. Никаких личных границ. Никаких гражданских прав. Видите ли, раньше свобода одного заканчивалась там, где начиналась свобода другого. Это сильно мешало и сковывало. Отныне свобода каждого будет безгранична. Человечеству давно пора избавиться от табу, запретов и правил. Это приведёт к психическому здоровью. Но помните, что нужно соблюдать авторские права на убийство. За плагиат последует справедливое наказание... – просвещает её работник.

Дар речи превращается в наказание. До чего же губительна власть диктаторов. Болтливых манипуляторов. И Фитоняше хорошо знакома эта теория. Она знает её автора. Только где он сам?

– ...Если вы кого-то убьёте, то, пожалуйста, зарегистрирует труп, чтобы не возникло путаницы, – информирует консультант.

Тем временем Ложь наряжается перед зеркалом. Её не сбивает с толку царящая антиутопия.

– Как думаешь, в этой кофте я сильнее похожа на женщину? Ой... – пробалтывается она.

Фитоняша больше не выдерживает и вылетает из проклятого отдела. Она бежит от испуга. Фонтаны адреналина подбрасывают её. Девушка лихорадочно вертит головой, путаясь в указателях-стрелках. По эскалатору поднимается очередь самоубийц, которые готовятся сигануть со второго этажа на бетонный пол. За что же они вменили себе такую расправу?

Фитоняше хочется закричать «Остановитесь!». Она не верит, что всё это всерьёз. Это ведь какая-то театральная постановка, призванная ошарашить? Какой-то розыгрыш, устроенный подростком, чтобы напугать родителей? Почему только в этом розыгрыше принимают участие все? Неужели Гот смог посеять семена бреда в мозгах каждого? Фитоняша всегда его ненавидела и считала чокнутым себялюбцем, но не думала, что этот бездарь сможет выместить свою обиду.

Глупый мальчишка, который не наигрался.

– Я уничтожу тебя, сука! – бессильно клянётся девушка, падая на колени от отчаяния. Но потом она набирает воздуха в грудь, словно это надувной шарик, поднимается и подбегает к чёрному, двигавшемуся вверх эскалатору.

– Пойдите! Зачем вы тяготеете разбиться? – хватая за рукав мужчину с твёрдым, как член, намерением.

– Чтобы стать произведением искусства, – удивлённо отвечает тот, словно ничего не может быть очевидней.

– Но это не искусство! Прекратите! Я покажу вам настоящее искусство! – кричит девушка.

Она симпровизирует что угодно, покажет всё своё мастерство и все возможности тела, только бы доказать, что жизнь привлекательнее смерти. Что танцующее гибкое тело лучше разбитого и размазанного по бетону. Она повернёт их в другую сторону, как стрелочный перевод, что меняет маршрут поезда. Незапланированный спонтанный флэшмоб. Вряд ли в нём примет участие кто-либо. Масса постесняется копировать поведение единицы.

Вогородица с любовью касается плеч, локтей, бёдер, но её зрители друг за другом совершают смертельный прыжок. Никому не сдались её типсы. Любить себя больше не модно.

– Вот так, Фотоняша. Любить тебя, восхищаться тобой отныне превратно. Современное искусство превозносит другие идеалы, – шепчет своей фотографии.

Но почему рупор достаётся тем, чей язык отравляет умы?

Почему к ней не хотят прислушаться? Почему популярность не приравнивается к здоровью и образованию? Почему именно токсичная ересь становится популярной?

– Умеренный эгоизм не так уж и плох, – хмыкает Фитоняша. – Почему любовь к себе считают грехом? – разочарованно вздыхает, смотря шоу уродов.

Нет, ей незачем здесь находиться. Ей нужно разыскать Ложь и выпытать у неё все подробности. Узнать, где Гот, и что он натворил.

Сталкивается с ней в мясном отделе. Ложь дотошно выбирает сосиски. Баварские, сливочные, сырные...

– Нам нужно поговорить, – без обиняков напирает Фитоняша.

– О чём? – сильнее впивается в тележку Ложь.

– Где ты скрываешь Гота и Чмо? И как Гот умудрился достичь этого? – в лоб задаёт вопросы. – Пойми, что, сказав правду, ты сможешь остановить хаос. Предотвратить кучу смертей. У нас ещё есть попытка вернуть здравомыслие.

– Ох, девочка. Я надеялась, что ты оце-е-енишь преобразование мира, – честно отвечает та.

– Преобразование?! Шутишь?! – ахает Фитоняша. – Рассказывай! – дублирует приказ.

– Помнишь то мероприятие для трудных подростков? Во время выступления Гот зарезал Чмо, подав это блюдо в качестве лакомого десерта. Мне пришлось спрятать мальчиков, чтобы десерт усвоился. Впечатление не должно быть заглу-

шено волокитой. Людям легче принять новшества, не позволяя им столкнуться с грязью.

– Так ты соучастница? – надламывается Фитоняша.

– Понимаешь, мной слишком легко управлять. Я как вода. Принимаю любые формы. Я как ого-о-онь, который может греть и сжигать. Всё зависит от выбора того, кто руководит пламенем.

– Замечательно! А как же воля? Собственное мнение? – вскипает Фитоняша.

– Не сердись. Попробуй меня понять. Я просто хочу быть слабой ведомой девушкой, – брызжет слезами Ложь.

– Так ты ещё ждёшь сострадания?! Думаешь, жалость к себе – оправдание убийств?! Эта кровь на твоих руках! Ты виновата в помешательстве! – тычет пальцем в растрёпанную гадалку.

– Ты даже не хо-о-очешь представить, каково мне! Ты же само воплощение женской красоты! У тебя идеальная фигура. Ты не сомневаешься в своей неотразимости. А мне приходится прикладывать намного больше усилий, чтобы привлечь мужчин, и то я никогда не окажусь на одной ступени с этими грациозными бестиями. Мне никогда не сравниться с ними. Мне недоступны их чары. Как бы я ни красилась и ни одевалась, – делится сокровенным Ложь.

– Ты не знаешь того, что пришлось пройти мне, чтобы достичь данной формы, – беспощадно заявляет Фитоняша.

– Но ты же-е-енщина! Ты одарённый нежностью цветок.

Ты шикарна от природы. А я – нет, – скорбно берётся за сердце Ложь.

– Неважно. Проехали, – смуро закрывает тему Фитоняша. – Так Чмо мёртв? – выглядывает из-под бровей.

– Да, – коротко подтверждает обделённый мужчина.

Фитоняша морщится, будто села на кнопку. Отчего-то она знала, что Чмо уберут. Именно мирные жители выбывают из игры в самом начале. Она знала, что потеряет этого мальчика рано или поздно. Потому что он не берёт себя. Он отдавал себя тем, кто не желал его принимать. Бескорыстный и щедрый мертвец.

Мысли спутаны, будто она в коматозном состоянии. Будто в душу вкололи анестетик. Девушка только мычит, плотно сомкнув пухлые губки. Так же жмурятся, когда ушибают мизинец о ножку стула.

– Это непростительно! – выжимает слова.

– И неминуемо, – замечает Ложь.

Ищейка

Терпение истончается, перетирается, лопается, как сосуд в глазу. Удерживающая пружина срывается, и раннее покойный механизм с огромной скоростью начинает шинковать, дробить и поглощать всё, что встречается на ленте. Гот слезает с катушек, теряет равновесие. Он больше не может сидеть на заднице, сложив руки. Ему нужно разобраться в себе. Найти ответы. Найти оправдание своей импульсивности, повлекшей за собой смерть того, кто любил его и стремился заручиться его одобрением. Придать этой ошибке смысл. Что-то дурное и абсурдное подсказывает Готу, что нужно разыскать тело Чмо. Обыскать его карманы в поисках ключей к пониманию. К излечению.

Стать бы немецкой овчаркой. Или доберманом. Чтобы напасть на след и не потерять его ни за что. Чтобы выйти на остов здания, в котором погребён Чмо. Но Гот всего лишь простой человек с напрочь отшибленным обонянием. Он даже не старался запомнить дорогу, отметить зацепки в виде какого-нибудь причудливо изогнутого дерева, рекламного щитка или цветного забора. Вуаль сумрака испортила видимость. И теперь Гот полагается исключительно на интуицию. Его ведёт зыбкая надежда. Её прах. Её призрачный осадок.

Ноги заплетаются, словно из них кто-то вяжет шарф. Цеп-

ляется за бересту, чтобы не шмякнуться в грязь. Вертит башкой, как маяк фонарём. Как далеко ему лезть? Вправо или влево? Как справиться без навигации? Что если он заблудится и не воротится назад? Тогда его не разыщет даже Паника, и он дойдёт до стадии полной потерянности.

Вытягивает нитку из своего поношенного кардигана. Обматывает её берёзовую ветвь. Двигается дальше, оставляя за собой чёрную черту. Наступает на сухие ветки, и те трещат, как картошка на сковородке. Ощущает себя Йети. Все Йети вынуждены ошиваться в лесу, не высывая носа. Половина кардигана уже съедена Распущена. Гот исследует кособокие теремки, но там нет диванов и трупов.

Наконец, ему везёт. Смутный эффект дежавю шевелит его мозги. Парень замечает разбитое окно. То самое, в которое забирался несколько дней назад. Теперь ему предстоит повторить этот нелёгкий манёвр. И никто не будет ему подсоблюдать.

Встав под ощеренным отверстием, приседает и, как следует оттолкнувшись, прыгает, хватаясь незажившими ладонями за колючее стекло. Стискивает зубы от резкой боли, но не сваливается вниз – висит. Вдохнув, сгибает локти, подтягиваясь. Вваливается в комнату, волоча за собой ноги. Встретившись с полом, умиротворённо отдыхает, но лишь считанные секунды.

Гот поднимает голову, изучая обстановку. Собирая мозаику из рухляди. Смотрит прямо на ветхую софу, но не ре-

шается к ней приближаться. Отодвигать её. Разлучить её со стеной, затянутой паутиной. Сейчас его пыльные запутанные волосы очень на неё похожи. Можно смело устраивать игру «Найди десять отличий».

На четвереньках подползает к дивану. Поднимается на ноги, до последнего касаясь пальцами пола. У Гота такое ощущение, словно он готовится развернуть бинты и осмотреть раненую конечность с вываленным мясом. Словно ему необходимо взглянуть на ляжку, к которой приложилась акула.

Вдохнув, отодвигает мебель. Та противно царапает пол. И открывает прекрасный обзор на застывшего мальчишку в кровавой одежде. Гот ощущает себя героем сказки Шварца. Только ему уже не склеить осколки разбитого братишки. Никак его не спасти. Почему в реальности нельзя ничего исправить?

– Я облажался. Извини. Я не со зла, – шепчет Гот.

– Я сожалею. Я хочу вернуть всё назад. Мне уже плевать на признание, – колется Гот.

– Помоги мне успокоиться. Дай мне искупление, – рассказывает Гот.

Только мёртвые не умеют разговаривать. Они умеют молчать.

– Ты позволишь, я тебя обыщу? – вежливо просит разрешения Гот.

И опасно тянет руку. Так тянутся к зверям в клетке, которые только ждут, чтобы отгрызть хэнд по локоть.

Парень чуть брезгливо стягивает курточку с плеч покойника. Тот не поддаётся. Гот раздевает его как куклу: сначала освобождает один рукав, потом, перекатив Чмо на бок, второй. Поднимает вещь за воротник и обыскивает карманы. Вынимает сложенный блокнот в бледно-коричневых пятнах крови. Полосатая водолазка карманов не предполагает, и Гот больше не исследует парнишку в поисках тайников. Слишком неприятно решето живота. Что ж, Гот постарался и соорудил хорошую поделку.

– Ты разрешишь, я заберу это?

Никогда при жизни Чмо Гот не был так учтив. Никогда его не берёт. Теперь же старательно фильтрует речь, чтобы не задеть за живое. Забавно. У Чмо ведь совершенно ничего не осталось живого. Гот считается с ним только для того, чтобы успокоить совесть, не рассердить духа и оставить себя в безопасности.

– Спасибо, – неловко произносит и, помешкав, убирает спадающие на лоб ангельские кудри.

Осторожно прикасается губами к его ледяной коже. Робко и нерешительно. Чмоки-чмоки, Чмо. Затем он поднимает мальчика на руки, болезненно вспоминая, как нёс его в позе буквы «дабл ю» до машины. Тогда он был ещё живой, но уже умирал. Укладывает мертвяка на тару и даже придаёт ему удобное положение. Заботливо накрывает курткой. Это очень мило и очень бессмысленно. Но такова прямая зависимость: чем бессмысленней жест, тем он милее.

У Гота крайне милая жизнь.

Гот по привычке выходит в окно и тащится вдоль вытянутого в кишку кардигана. Тонкая ниточка связывает его с явью крепче стального каната. Именно так выглядят соломинки, за которые хватаются утопающие...

Он добредает до логова, почти обжитой берлоги. Устраивается у окна так, чтобы свет падал на страницы. Абсурдно, но Гот по привычке придерживается правил, сохраняющих зрение. Он разнимает слипшиеся листы и, подняв нижние веки, разбирает сетку почерка, неосознанно отвлекаясь на всякую ерунду, боясь прочесть рукопись и не встретить ни слова себе.

– Пожалуйста, пожалуйста... – спрыгивает с его губ.

«Дремали мишутки Тедди,
Кровёнок шумел под кожей,
Любили какао дети.

И мамочку с папой тоже», – узнаёт его стиль.

«С рожденья дружили крепко
Музёнок и поэтёнок,

Тетрадки в линейку, в клетку

Их почерк кривой запомнят», – «Это уж точно», – виновато иронизирует Гот.

«Любвёнок крутился рядом,
Сексёнок лежал на койке,
На простыне спермослякоть,
Сироп миловидной крохи.

Когда приходил ночнонок,
Небёнок купался в звёздах,
А дети таились дома,

Подушку найдя, как остров», – почти разочарованно перебирает строки Гот. Он одновременно и торопит себя, и тормозит.

«Но как-то ворвался в сказку
Измученный наркотёнок,
И стало болеть опасно,
Опасно любить в притоне.
И пидофилёнок взрослый
Пугал заболевших деток,
Нечаянно как-то бросил,

Что шанса подняться нету», – отчего-то всё естество Гота наполняет чувство, похожее на газировку: такое же щекотно-колючее. Интрига путается с напряжением и страхом.

«Заплаканный красотёнок
Кроил тонкой бритвой лапки,
Под жалобным слабым стоном
Другие играли в прятки.
Их всех окружал адёнок,
Их всех опускали на пол,
И лампочка-сгусток мёда

Была обречённо матовая», – мышцы лица собираются во встревоженную гримасу.

«Их всех целовал иглёнок,

Они разучились мыться,
И ненавистёнок голый
Шептал, что убьёт убийцу», – на этом месте Гот запина-
ется, понимая, чего заслуживает. Рёбра словно загибаются
внутри.

«Поили сгущённой скукой
Давали добавку боли,
Их ставили носом в угол,
Где сорванные обои.
И кто-то завянуть должен,
Их слёзы, как виноградины.
Они не проснутся больше,
Их будущее украдено...»

Гот цепляется за бумагу, будто она не позволит прова-
литься в пропасть.

– Что я наделал? – выдаивает из горла голос. – Он был ре-
бёнком... Он был невинным. Он слепо мне доверял и знал,
что не воткну в спину нож, – горько усмехается. – Впрочем,
чуйка его не подвела. Нож-то в живот всадил, – нервно гы-
кает.

Гыканье это – что-то среднее между лёгким пьяным сме-
хом и горестным рёвом отрицания.

Утерев нос, перелистывает страницу. Пытается успоко-
иться, шмыгая и моргая. Веки сбивают слёзы, и парень
может продолжить. Ответ должен быть более прозрачным.
Прямолинейным. Дословным. Более конкретным. Примерно

так гадают на книгах. Гота устроила бы какая-нибудь записулька о том, что Чмо страдал. Что хотел умереть. Что Гот стал для него избавлением и исполнителем его воли. Что-нибудь эдакое, чтобы облегчило ношу. Адресованная Готу ненависть, к примеру. Зная, что Чмо не ангел, что он его проклинал, Готу не пришлось бы мучиться виной, какая точит, когда ведёшь себя как мудак, а на тебя не кричат и даже не сердятся в ответ.

«Произведения искусства вправе ошибаться. Произведения искусства вправе болеть. Произведения искусства вправе тускнеть и рваться. Их всегда можно реставрировать», – находит заметку читатель. Она согревает его и вселяет надежду. Он имел право. Родион Раскольников и Дориан Грей в одном флаконе, блин. Но он имел право. И наказание его не заботило.

Миссия

Ответственность лежала на Фитоняше, как уродский горб. Она несла ответственность перед всеми убиенными. Останься она безучастной, когда шанс повлиять на политику сам просился в ладошки, она не простила бы себе подобную подлость и безразличие.

– Немедленно отвези меня к Готу! – командует Лжи, точно собачке в цирке.

– Но... – мнётся уже вскрытая Ложь.

– Живо! – не терпит возражений Фитоняша.

– Хорошо, – капитулирует женщина.

В автомобиле на сиденьях упущенные пятна крови. На тёмной ткани их почти не различить, но, если выискивать намеренно, отметить можно. Едут без музыки, слышно только, как шины шуршат по асфальту.

– Чего ты хочешь добиться? – нарушает молчание Ложь, постукивая большими пальцами по рулю и поглядывая в зеркало заднего вида.

– Мы вернём его и заставим отказаться от своих слов. Принести публичные извинения, признаться, что всё это ересь полная, чушь и блажь. Пусть добровольно сдастся в полицию. Хоть как-то реабилитируется, что ли, – твёрдо заявляет Фитоняша.

– Это не показательно. То чудовище, что он породил, уже

не зависит от хозяина. Никто не остановится, даже если он с пеной у рта будет твердить, что все безмозгло клюнули на его болтовню. Потому что он не только болтал, но и резал. Клятва на крови – не шутка. И приказ, утверждённый кровью, тоже. Одного лепета мало, – расширяет иллюзии Ложь.

– Действительно. Не получится отделаться без жертв. Придётся так рывкнуть, чтобы содрогнулись все. Чтобы не возникло ропота. Мы будем молчать. Но нас услышит весь мир.

За этим разговором они подъезжают к шалашу Гота.

– Вот. Это то место, – тормозит Ложь.

Фитоняша выкарабкивается из салона, перелезает через утлый забор и устремляется к избушке без курьих ножек. Враждебно распахивает дверь и быстро обводит комнату взглядом. Кажется, что вместо глаз у неё выходные отверстия ствола. Шарит ими по тряпкам, готовая брызнуть свинцом.

– Что ты здесь делаешь? – дрожит парень, согнутый над какой-то книгой.

– Тебя ищу, – безжалостно выпаливает. – Ты хоть представляешь, чего добился? Ты устроил какую-то грёбаную секту! Творится сплошной беспредел! Ты убил Чмо! Как ты мог?! – накидывается с ненавистью.

– Хватит на меня кричать! Перестань! – обессиленно умоляет Гот.

– Извини, но для тебя у меня не найдётся жалости. И по-

нимания. Но прохлаждаться здесь ты больше не будешь. Собери свои манатки и несись вприпрыжку убирать за собой всё дерьмо! Насвинячил – будь милостив, убери! – жёстко приказывает она.

– Я вообще не в курсе, что происходит! Я не знаю, что делать! – трясётся парень. – Я просто хочу, чтобы всё прекратилось!

– Прекращай ныть! – тяжёлой походкой приближается к нему Фитоняша, намереваясь поставить пощёчину или подзатыльник, но лесной житель прячет голову за блокнотом.

– Убогий трус! Ты когда душу свою спасти будешь? Или в Аду на вертеле покрутиться мечтаешь? – от отчаяния шипит девушка.

– Нет... – шепчет Гот, морщась от стыда.

– Тогда вставай! Мы отвезём тебя в город. А дальше подумаем, какие действия предпринимать. Я надеюсь, ты возражать не станешь? – это уточнение звучит как угроза. Это уточнение предполагает единственный правильный ответ.

– Не стану, – роняет бусину звука.

– Отлично! – грубо почти огрызается Фитоняша, но в то же время дружески хлопывает его по спине.

В этом жесте и ободрение, и поддержка. Такая мелочь способна пробить на фонтан слёз и погрузить в тепло. Гот шагает, сокрушаясь и благодаря. Ресурс его психики исчерпан. И он, несчастный и сломанный, просто тянется к ласке и отдыху. Только отдых подразумевает под собой не горячий душ

и чистую постель, а истязание и побои. Чтобы его как следует отлупили наотмашь, выбивая всю дурь. Чтобы устроили эдакий обряд освобождения. Но его не бьют. Паника, мягко обнимая его за плечи, ведёт к транспорту. Ладонь Фитоняши просит разрешения просочиться в его. Девушка теревит его за пальцы, массируя и сообщая, что всё нормально. По крайней мере, будет нормально.

Блокнот привлекает путницу только тогда, когда Гот кладёт голову ей на колени. Почему-то он осмеливается это сделать, не спрашивая, зная, что Фитоняша позволит. Именно так ведут себя добрые, но строгие родители. Сердятся, наказывают, отчитывают, но помогают справиться с косяками. Их поддержка безусловна, а гнев справедлив. Земные боги. И Фитоняша действительно заслуживает должности Богини.

– Что это у тебя? Откуда? Чьё? – указывает на записную книжку, зажатую под мышкой.

– Это не моё. Это его. Он разрешил взять и оставить себе. Здесь его стихи, – как псих, сам себя убеждает Гот.

– Ясно. Отдай мне. Я посмотрю, – важно говорит. Фитоняша привыкла, что её слушаются как авторитета. Она даже слегка зазнаётся от этой самоуверенности.

– Нет. Не сейчас, – крепче стискивает книжку в объятиях. Но Фитоняше плевать. Она вырывает у него потасканный блокнот и, веером пропустив страницы, останавливается на одной. Несмотря на то, что тряска мешает удерживаться на строке, девушка медленно, но читает. Перепрыгивает

со строки на строку, как с ветки на ветку.

«В телесном пылу стенаний,

Где каждый душой хромой,

Творится шаманский танец,

То огненный хоровод.

Натянуты туго, дико

Морковные мышцы ног,

Пунцовые, как гвоздика,

Все кружатся голяком.

И каждый горящий факел,

Оранжевый фигурист,

Ожившие на бумаге,

Вчерашние "чистый лист".

Подвижное пламя вихря

Рождает хмельной азарт.

Гарцуют в мазурке хитрой,

Обмакнутые в закат.

Мог номер поставить только

Приверженец темноты:

Талантливый хореограф,

Безумный Анри Матисс».

Фитоняшу потрясает чёткость образов, их верная передача, сохранность. Ещё сильнее её впечатляет своё узнавание. Знаменитая картина Матисса «Танец» ярко всплывает в памяти. И идея озаряет её, как фонарь аптеку. Она знает, какое оружие использовать.

– Гот, – трясёт его. – Мы объединимся. Опять. Помнишь, картину, где рыжие люди хоровод танцуют?

– Ну да, – мямлит. – Конечно, – бормочет, будто после

сна.

– Никогда не приходило в голову, что она соединяет нас? Что мы, по сути, одно? Что вместе создадим интермедию? Знаешь, что я сделаю? – глядя в будущее, спрашивает Фитоняша.

Обычно, у правды нет будущего времени, потому что завтрашний день неизвестен, и никто не в силах его предугадать. Будущее изменчиво, неустойчиво. Постоянно вертится, как змея. Но сейчас Фитоняша говорит полную правду.

– Что? – эхом отзывается Гот, не убирая голову с колен. Лежит, как кошка. Только глаза задирает вверх в поисках лица Фитоняши.

– Я поставлю этот танец в реальности. И это будет заявление. Я замещу искусство вандализма искусством интермедии. Буду танцевать картины. Создам проект «Ван Вог». И ты мне поможешь.

Шторы, занавешивающие будущее, скользят по гардине. Кулисы разъезжаются в стороны. И впереди – сцена.

Жёлтый дом

Гот жадно обвёртывается теплом, выдувает чашку какао, которую принесла Паника, после чего снова закрывается в кухне. Струйка дыма похожа на призрачные щупальца медузы. Под нежной пенкой горячий шоколад. Пьёт его, обжигаясь. Прижимает к себе Боль, как градусник. Кошка рада видеть хозяина: лижет его лоб и мирно устраивается подле него. Не протестует и не убегает. Утоляет его потребности в чьём-то быстро стучащем сердце и мерном дыхании. Позволяет гладить себя по ушам.

– Нам нужны добровольцы, которые согласятся поучаствовать в церемонии протеста, – ходит по комнате Фитоняша.

Как же она утомляет Гота, компрессирует мозги и не оставляет в покое. Доканывает. Дотошная и самонадеянная зазнайка. Зарезать бы ещё и её, чтобы тише было. Но нужно терпеть, выдерживать. Нейтрализовать свой грех, чтобы отстали. Таков единственный путь избавления.

– И где ты их найдёшь? – ехидничает Гот, довольный тем, что план Фитоняши трещит по швам.

– Не я, – хмурится девушка, – ты! – тычет пальцем в него. – Это задача на твоих плечах. Не буду же я отдуваться за твою оплошность. Сесть на меня не выйдет, усёк?

– Усёк, – кисло отвечает Гот.

Ну вот, теперь ему ещё голову ломать над тем, откуда

доставать сообщников. Сложно выковырнуть единомышленников, если ведёшь изолированный образ жизни и ни с кем не общаешься. У Гота даже нет таких мест, в каких обычно заводят знакомства.

Тем не менее сеять семена протеста необходимо. Распространять намёки на восстание. Беречь общество, чтобы оно не мирилось с тем, что его не устраивает. Необходимо сделать так, чтобы люди сами захотели очнуться от кошмара.

В конце концов, именно Гот руководит ими. Он – вождь. Ему дозволено менять правила, вносить коррективы и разрешать конфликты. Но не сейчас. Пока в его силах только вылезть из-под пледа, усесться за новенький ноутбук, которым он не успел попользоваться, и составить объявление. Напечатать листовки. Приглашающие в тайное сообщество.

– Нам помогут условные знаки. Они сильно облегчат обмен информацией, – сталкивается с задачей Гот.

– Ты прав, – подсказывает Фитоняша, наклоняясь к монитору. Также нависают учительницы, заглядывающие в тетрадь.

– Что-нибудь цветное. Бросающееся в глаза, – выдаёт критерии Гот.

– Жизнеутверждающие. К примеру, зонт жёлтого цвета, – прикусив губу, предлагает Фитоняша.

– Подходит! – обрадованно откликается Гот.

Как раз этот аксессуар не вызовет подозрений, поскольку погода ничем неотличима от накуксившегося ребёнка, гото-

вого зареветь.

«Спасение!

Ты задушен новым порядком. Ты боишься смерти. Ты устал видеть трупы в общественных местах. Твои права нарушают. Тебя притесняют. Ты не согласен жить в эпохе вандализма. Ты хочешь спастись. Приходи под жёлтым зонтом на переулок одиннадцатый».

Гот нарочно использует утвердительные предложения, дабы внедрить скрытое внушение.

Множит рекламу на принтере.

– Будем развешивать на каждом столбе. На каждом киоске. Плевать, есть на то запрет или нет. Не думаю, что такая мелочь удивит хоть кого-то, – произносит Фитоняша, деля кипу бумаги на три примерно одинаковые стопки.

Троица одевается потеплее да понезаметней и прошмыгивает на улицу. Забредает в канцелярский магазин и, чтобы ничем не выделяться, крадёт клейкую ленту, не утруждаясь заплатить.

Компания разбредается, чтобы в одиночку пришпандоривать листовки к деревьям. Гот исправно трудится, замаливая грехи. Его гора объявлений стремительно уменьшается, как колода карт.

Вскоре вся территория в их метках. Никто не пройдёт мимо немого визуального зова. Остаётся только ждать, пока клюнет рыбка...

...Уже на следующий день продавцы жёлтых зонтиков

резко богатеют. Люди скупают эти жёлтые навесы, видя в них гарант своей безопасности. Зонты сменяют маски. Такова новая защита.

Переулок одиннадцатый заполнен добровольцами под жёлтыми крышами. Люди переглядываются друг с другом и без лишних слов понимают, что их сюда привело. Они с лёгкостью читают мысли друг друга. Они видят друг в друге своё отражение. И сплачиваются в одну команду. Мы тянемся к тем, кто на нас похож. Проникаемся к ним симпатией.

Гот и Фитоняша внимательно изучают пришедших и выцепляют особенно заинтересовавших кандидатов.

– Здравствуйте. Пройдёмте.

– Здравствуйте. Держитесь нас.

– Здравствуйте. Мы вас проводим, – на ухо шепчут они.

И незримая тайна окутывает заговорщиков. Парочка приводит в свою квартиру гостей небольшими группами и устраивает им кастинг. Отмечают их мускулы, состояние мышц. В общем, смотрят на анатомию и задают одни и те же вопросы.

– Что вас сюда привело?

– Готовы ли вы обнажиться перед большой аудиторией?

– Согласны выступить и станцевать?

– Рискнёте ради блага общества?

– Играете на музыкальных инструментах?

Большинство отсеивается сразу, не пройдя устного собеседования. Некоторые, кто руководствуется не только своей безопасностью, кем двигает гражданский долг и любовь к

ближним, удерживаются до конца.

К сожалению, кого-то подводит маленький рост, кого-то избыточный вес, кого-то вызывающая худоба.

Но рынок, на котором можно беспрепятственно подбирать потенциальных ассистентов, не пустеет никогда. Жёлтые зонты сметают с прилавков на удивление и счастье продавцов. Им остаётся только гадать, что за мода толкает народ на эти покупки? Жёлтые зонты становятся безусловной классикой, точно красные зонты в Париже. Сотни раскрытых над головами солнц. Магические щиты от информационного вируса.

– Не бойтесь. Это не ловушка. Следуйте за нами, – шепчут в уши и ведут за собой.

– Глупо прикрывать несовершенство своего тела уникальностью и неповторимостью. Это самообман, – безжалостно диктует Фитоняша.

Наконец, они набирают семерых помощников. Среди них даже есть те, кто умеют играть на скрипке и флейте. Гота изумляет то, что Паника выражает желание принять участие в их инициативе. Этим поступком она даже поднимается в его глазах.

– Итак! – зычно начинает собрание Фитоняша. – Мы избрали вас для политического жеста. Смелого заявления. Которое положит начало конца творящегося вокруг сумасшествия. Мы оспорим искусство вандализма. Приведём контраргумент. Дадим альтернативу, – обещает она, пока избран-

ники внимают её речам.

– Вам всем знакомы картины представителя фовизма, французского художника Анри Матисса «Танец» и «Музыка». Первая картина динамична, вторая статична. «Музыка» написана в противовес «Танцу». Это ещё раз отмечает смысл нашего дела, – кратко рассказывает ведущая.

– Мы с вами изобразим эти картины вживую. Мы их скопьем. Это раннее не опробованное течение должно заинтересовать и перетянуть внимание на себя.

– Когда состоится это мероприятие?

– Где гарантия, что оно сработает? – раздаются вопросы.

– Медлить нельзя. Популярность вандализма набирает обороты, всё больше людей желают обратить себя в производство искусства. Эта болезнь лечится только представлением-разоблачением. Мы покажем, что искусство заключается в жизни, а не в смерти. Ну что, вы готовы? – распыляет азарт.

– Да, – несинхронно, но твёрдо звучит ответ.

– Не слышу! – жалуется Фитоняша, будто ведёт утренник в детском саду.

– Да! Мы готовы! – с жаром вопят солдаты.

– Отлично! Но для начала я прошу, чтобы вы услышали человека, который по неосторожности запустил этот дурацкий челлендж. Я надеюсь на ваше милосердие и понимание. Выслушайте его, – хорошо поставленным голосом объявляет Фитоняша.

Кажется, словно она всю жизнь занималась ораторством.

А вот Гот нет. Ещё со времён школьной парты ему внушили неуверенность в себе. Загнобили. Затравили. Теперь парень не может выступать и общаться с людьми. Он ждёт только одного – удара, предательства. Насмешек. Но он заслуживает именно этого и только этого.

Гот виновато встаёт на место девушки. Усилием воли заставляет себя поднять глаза и произнести:

– Это я. Это я убил своего друга и назвал убийство искусством. Я виноват. Извините... – выжимает из себя скудные слова раскаяния.

К чему ему красноречие? Здесь оно неуместно. Здесь важна искренность.

Повисает тишина. Никто не горит энтузиазмом закорешиться с преступником и виновником происходящего. Никто не хочет к нему приобщаться. Сейчас Гот – подводный камень, утаённое и неприятное условие, которое всплывает после подписания договора.

– ...Но я отрекаюсь от своей идеи. Я жажду её искоренить. Я сожалею. Помогите мне, – насилует пересохшее горло Гот.

Всё внутри сжимается. Над ним производят суд присяжных. Ну что, господа присяжные, какое наказание выдвинем обвиняемому? Помилуем? Или казним?

– Ладно, – холодно хмыкает мужчина. – Нет времени на месть и обиду. Зачем уподобляться ему? Если одумался – хорошо, – выносит короткий вердикт, в котором нет тёплых интонаций. Но и порицания нет. Всё-таки люди не Боги: не

в их власти карать.

– Благодарю, – склоняет голову на восточный манер Гот, после чего они устраивают пробную репетицию.

Фитоняша, пыхтя и бегая вокруг каждого, ставит хореографию. Распределяет роли. Быстро делит группу на две части: «музыкантов» и «танцовщиков».

– Спасибо за посещение. Теперь уже поздно, так что расходимся. Храните молчание. В следующий раз соберёмся завтра в это же время, – распускает гостей Фитоняша.

Готу не хватает её энтузиазма, её увлечённости. Именно она двигает их проект, скрепляет его. Как бы ни было при-
скорбно, но Гот отдаёт ей первенство. Он восхищается ею. Уважает её. Потому что её отвага и решительность достойны уважения.

– Я устал, – стонет Гот, замыкая квартиру.

– Рано уставать, – не даёт передышки Фитоняша.

– Откуда в тебе столько топлива? – вздыхает парень.

В его душе не остаётся воодушевления. Пожалуй, он слишком давно не брался за кисть в то время, как его «подруга» занималась любимым делом.

– Это всё чувство долга. И ответственности, – серьёзно отвечает Фитоняша. – Ещё нельзя расслабляться. Надо подумать над датой выхода. Над декорациями. Как нам организовать шоу и привлечь публику?

– Может быть, вклиниться в чужое представление? Ты не смотрела афиши? – устало выдвигает предложение Гот.

– Нет, но в этом нет надобности. Я не хочу ни во что вторгаться. Зритель должен быть настроен именно на нас, – отметаёт идею девушка.

– Тогда решай сама. Моё мнение для тебя ничего не стоит, – обиженно фыркает парень.

Он перегорает. Голодает. Нуждается в подкреплении. Без лишних разговоров уползает в свою комнату и робко прикасается к холсту. Почему он приговорил свои руки к вечной тишине? Почему послушался Паники? Паника убила логику. Сделала его действия абсурдными. Спутала все карты. Но теперь Гот решается позволить себе несколько мазков.

Имитирует стиль Матисса. Сохраняет рыжие силуэты, только ставит их в другие позы. Гот выплёскивает свои мысли, что равносильно ведению дневника. Он отображает своё смятение. Сожаление. Даже старость (у этой фигуры горб, и стоит она у самого края). Рисование расслабляет и растворяет его в себе. Личность размещивается в палитре вместе с красками. И творца уже нет. Остаются только картины как формы личности. Гот сбегает из реальности на полотна. И отдыхает там. Прекрасная трансформация. Прекрасная тренировка перед тем, как ему придётся расписывать тела. Формы жизни не кончаются никогда...

...Минует несколько встреч, на которых проводятся репетиции, но когда Фитоняша находит под жёлтым зонтом ответственного за электронные декорации и улаживает организационные моменты, подав заявку на участие в фестива-

ле «Умри и стань шедевром» (им охотно выделяют место в программе, не догадываясь, что их номер противоречит регламенту конкурса), просит всех побриться. Произвести депиляцию в самых интимных местах. Когда кожа становится гладкой и очищенной от ненужной растительности, Гот может прибегнуть к боди-пейнтингу.

Он проходится аэрографом по каждому телу, распыляя оранжевую краску. Накладывает тени спонжем. Начинает, конечно, с Фитоняши: ей не привыкать перед ним раздеваться. К тому же девушка подаёт пример остальным. Его единственная натурщица...

Парню нравится размалёвывать кожу, творить живые картины. Ходячие, говорящие и чувствующие. Теперь он понимает Чмо и его теорию. Как же Гот был глуп! Ему хотелось только конфликта и победы. Поступал назло, лишь бы быть против. Но теперь он готов отомстить себе прошлому. Размазать себя по стенке. Натыкать носом в дерьмо.

Их сплочённая команда революционеров вплотную приближается к назначенной дате. Вплотную приближается к ещё одной трагедии.

К ещё одной смерти.

Выход

До их выступления площадка повидала уже шесть удачных попыток суицида. Самоубийцы подступали к последнему заданию креативно: изощрялись, как могли. Кто-то разможил свою голову, установив её между двумя бетонными блоками, которые сжали череп, точно челюсть щелкунчика грецкий орех. Русоволосая девушка повторила печальную судьбу Евы Браун, пронеся с собой капсулу с цианидом. Приняв яд, она стала задыхаться и хрипеть, пока её щёки окрашивались румянцем, а в распахнутых глазах расширились зрачки, напоминая плоды смородины. Оказывается, перечень способов уйти из жизни петлёй, таблетками, бритвой и крышей не исчерпывается. Он гораздо богаче и разнообразней. Что ж, очень познавательно. И применимо на практике. Но ещё одного зрелища Фитоняше не выдержать: ей и так дурно. Как только ещё не свихнулся уборщик? Это не салфетки тебе подметать...

Настаёт их черёд.

Раньше Фитоняша никогда не лгала, но теперь говорит, что не боится. Страшно подниматься на сцену, которая в любой момент может обратиться плацом. Как их примут? Тепло или холодно? Нарекут последней надеждой и спасением или же устранят неудобных мятежников?

Сейчас это неважно. Важна только безупречная вера в се-

бя, в свои действия и позиции. Сердце горит, она как новый Данко поведёт народ за собой. Плевать, если народ попытается задуть её факел и остаться в темноте. Тьма предпочтительней только для тех, кто слаб и инертен. Но она сможет расшевелить каждого, наделить каждого силой. Заразить каждого своей верой. Фитоняша возбуждена, как уголовное дело.

Перед командой безрассудных смельчаков целый стадион, забитый зрителями-мазохистами. Неподвижными и молчаливыми. Именно так выглядит затишье перед бурей. Фитоняша собирается с духом и, голая, как провод, сплошь покрытая оранжевой краской, выходит на арену. Шагает от бедра, корпус следует за ногами. Руки расслаблены и чуть согнуты в локтях. Взгляд устремлён вперёд. Чувствует себя гладиатором, вынужденным сражаться насмерть на забаву жаждущей крови публики. Только дерётся она с собственным страхом. С беззаконием. С извращённым понятием искусства.

За ней движется Гот, для которого танец – наказание и акт искупления. За ним шествует Ложь, которая всё-таки согласилась встретиться с правдой, что она не та, за которую себя выдаёт. Что она мужчина. Для неё танец – признание. За Ложью идут остальные, и для каждого это шоу – нечто большее.

На краю отдельно друг от друга сидят четыре красные фигуры, одна из которых дует в флейту. Пятая производит музыку на скрипке.

– Пробил звёздный час, – шепчет Фитоняша, хотя номер займёт всего несколько минут, которые увековечатся.

Пятеро безумцев собираются в круг, берутся за руки и начинают водить хоровод в такт завораживающей шаманской музыке. Вихрь кудрей застилает взор. Она только сжимает ладони, интуитивно подозревая, что только стиснутые пальцы её спасение. Фитоняша вкладывает в эту постановку всю себя, всю свою жизнь. Ставит на кон слишком многое – всё. Это кульминация её пути. Уже не случится ничего значимей и влиятельней. Ничего фееричней и громче. Сейчас она – вспышка. Но не ослепляющая, а помогающая прозреть своим сиянием.

Фитоняша не чувствует горящих пульсацией ног. Кажется, что ещё немного – и они взлетят. Вознесутся над сценой. Но этого не происходит. Музыка замолкает, и они мягко тормозят. Пора пробуждаться от транса. Оглядываться и узнавать, какой эффект произвели. Сейчас решается их судьба.

Фитоняша поворачивается к толпе. И видит наставленные на них стволы. Море испуга и подозрения готово захлестнуть артистов. Люди только обрели твёрдую почву под ногами, как её тут же вырывают и заставляют обратиться в другую веру. Ни один сектант не желает быть излеченным. Все как один хотят спасти свои души. Слепцы свято полагают, что только смерть преобразит их.

– Мы не позволим, чтобы вы навлекли гнев на всех нас, – гудит рассерженный улей. – Мы ликвидируем вас. Мы спа-

сём ваши заблудшие душонки. Мы сделаем из вас истинные произведения искусства! – заливаётся толпа безумцев. Прекрасный образец, с каким жаром нужно приносить присягу.

– Нет! – срывается у Гота, его потная от ужаса рука холодеет и дрожит.

– Не бойся, – подбадривает Фитоняша, будто она заправляет ситуацией.

Будто она в силах повлиять на исход событий. Глупая. Думала, что они нужны истории. Теперь она видит, как история намеривается избавиться от еретиков. Стряхнуть их, как остатки сна. Эфемерного и неуловимого.

В них целятся десятки Тонек-пулемётчиц. К ним спешит бригада спасения. Их утешают, мол, скоро, всё завершится. И каравай становится вот такой ужины. В дикой природе животные замирают, чтобы слиться с фоном и избежать столкновения с хищниками. Они маскируются и притворяются мёртвыми.

Их актёрский состав напоминает животных в дикой природе. Только ни с чем они не сливаются. Красные мишени отчётливы на синем фоне. Мишени стараются не производить резких движений, словно они красные тряпки, дразнящие быков. Коррида уже не нуждается в участии рогатого скота.

Но когда открывается стрельба, женская фигура вырывается из оцепенения. Фитоняша, порхая, даёт сдачу. Духовно она не сломлена. И это лучшее доказательство её бунта. Без-

заботная стрекоза. Под её каблуками даже минное поле превращается в подиум, а оптические прицелы – в объективы фотокамер. Ничто её не останавливает, ничто не пугает.

Растерянные глазницы ружей не могут попасть в цель. Постепенно они, как стебли увядших растений, сникают и опускаются вниз. Фитоняша завораживает, гипнотизирует. Но тут её отталкивают так, что она теряет равновесие и падает на искусственный тёмно-зелёный холм. Холм цвета серо-зелёной полыни. Резкий грохот оглушает и парализует мысли. Когда упавшая кукла приподнимается на локтях, то, обернувшись через плечо, замечает свалившуюся Ложь. Оранжевый мужчина с синими волосами сражён наповал. Колени согнуты, руки прижаты к груди, словно он баюкает дорогую записку у сердца. Только у сердца не записка, а свинцовый цилиндр. Вот так вот. Как бы её ни снесла зависть, Ложь жертвует собой ради того, чтобы воплощение эротики и грации продолжало существовать. Так оберегают культурное наследие. Так сохраняют животных, помещённых в Красную книгу.

Ложь умирает, когда превращается в правду. Паника умирает, когда превращается в спокойствие. Гордость умирает, когда переходит в уважение.

Сцена замарана паникой и ложью.

– Мы не произведения искусства! – отчаянно ревет Фитоняша. – Мы иконы! И мы должны верить в себя! И любить. И поклоняться себе. И танцы – наши молитвы. Такова новая

религия! – победно заявляет она.

***

Она проносит любовь к Фотоняше, оберегая её и пряча в укромных уголках, но понимает, что пора расставаться.

– Ты убьёшь меня? – трепещет её девчонка 2-D. Кудряшки подпрыгивают, миндальный цвет кожи сияет блеском.

– Хуже. Я о тебе забуду, – со светлой грустью вздыхает её реальное отражение. – Но я тебе благодарна. Без тебя я бы не выстояла. Не созрела бы до этих мыслей. Ты многому меня научила. Но ты – это я. И мне пора себя принять. Верну себе себя. Чтобы вновь кому-то отдаться.

– Неужели нашему роману конец? – плачет фотография, как Божия Матерь. Мироточение во всей красе.

– Пожалуй, так. Мы выполнили свою миссию. Проект «Ван Вог» обретает всё больше новых приверженцев, которые копируют «Олимпию» Эдуарда Моне. «Больную девочку» Эдварда Мунка. «Дух мёртвых не дремлет» Поля Гогена. Если раньше портретисты переносили на холсты натурщиц, то теперь наоборот – натурщицы повторяют позы, наряды, мимику тех, кто занимает репродукции. К их челленджу подключаются всё больше активистов, и они ценят себя. Иконизируют. Вечное и застывшее обретает характер перформанса.

Это – духовная эволюция.

Эпилог

После громкого знаменательного события, когда люди очнулись от внушения, когда вышли из-под влияния диктатуры, когда раскусили обман, когда мираж развеялся, Фитоняша и Гот разыскивают тело Чмо. Перевозят его в морг, дабы провести последние процедуры. Придают должный вид, заполняют им гроб.

Панику тоже упаковывают в коробку, похожую на новогодний подарок, только под упаковкой не конфеты, а мертвяк. Можно сделать посмертное фото. Которое наглядно покажет отсутствие различий между жизнью и смертью. Искусство может совмещать в себе два полюса, вмещать в себя противоречие. Абсолютные антонимы оказываются синонимами.

Смерть неподвижна. Поэтому искусству необходимо перетекать в перформанс. Именно формы живого и неповторимого, моментального и не подлежащего фиксации творят историю. А прошлое способно лишь звучать угасающим эхом. Оно, конечно, прельщает и околдовывает, вводит душу в пещеры, заставляет искать, но дело в том, что поиски никогда не увенчиваются успехом. Никакого клада нет. И блуждания бессмысленны. Искусство происходит лишь здесь и сейчас.

***

Когда стало невыносимо жить

в городе

с его монолитными зданиями

и людьми,

советующими шазамить стук сердца,

мы ушли в пустой домишко

с выбитыми стёклами

и сырыми обоями.

Пол гнил и постепенно сливался с землёй. Оставался один фундамент.

Мшистый ковёр охлаждал стопы.

Дом разлагался.

В него часто захаживали худые собаки,

и мы подумывали друг друга сгрызть.

Иногда согреть.

Скулящие суки.

Нас окружали рыжие горы леса.

Мы сотворяли новую музыку из шума листьев
и хруста веток.

А когда начинался дождь,
и пыль превращалась в грязь,
мы рыдали от облегчения
и счастья.

А когда поднимался ветер,
мы поднимались с хвои.

Поднимались с колен.

И волосы пахли ветром

и затхлостью.

Руки пахли руками.

Шея по-прежнему пахла шейей.

Ещё мы знавали одну волчицу,

которая занималась мамством.

Каждой лунеющей ночью

она выходила выть на своего лунёнка

от досады,

что не может согреть его

и укачать в пасти.

Может быть,

куда-нибудь унести.

Куда-нибудь унести этот кусок лунного зефира.

Кусок лунной зайчатины.

Нас окружал лес гор,

такой темно-синий и далёкий,

как какая-нибудь дорога,

начатая летом,

в молодости.

Мы поняли, что жизнь чёрно-белая, как берёзы.

Но по-настоящему свободными стали только тогда,

когда боль обернулась равнодушием.

Равнодушием без лукавства и самовнушения.

Почти слёзы почти скатывались по щекам,
но мы заняли своё место под солнцем
и стали подсолнухами.

Длинностеблыми,
с повисшими головами и жёлтыми паклями волос.

Скоро прилетят птицы
и выключают наши семечки.

Кормить птиц – это так прекрасно,
особенно если ты подсолнух.

А кругом густой лес.